

№6 (159)

НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ 2019

ДАГЕСТАН

dagjournal.ru

2020

2020

Январь

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
		1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31		

Февраль

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
					1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	

Март

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
						1
2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30	31					

Апрель

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
		1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30			

Май

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31

Июнь

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30					

Июль

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
		1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31		

Август

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
					1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30
31						

Сентябрь

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
1	2	3	4	5	6	
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30				

Октябрь

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
			1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25
26	27	28	29	30	31	

Ноябрь

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
						1
2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30						

Декабрь

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
1	2	3	4	5	6	
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30	31			

Колонка главного редактора

О мэрах, блогерах, средствах информации и фильтрации

Я прошу прощения у читателя, но этот текст будет не совсем колонкой редактора. Он будет о городе Махачкале и моём диалоге с градоначальником. Махачкала тоже ведь не совсем похожа на город, хотя и называется городом. Так и моя колонка будет похожа на Махачкалу.

Правительство спускает нам сверху госзаказ по подписке на журнал. Мы, в свою очередь, должны — как государственное издание — налаживать информационную связь с органами власти, чтобы рассказать читателю о том, что, где и как происходит. И мы такую информацию запрашиваем...

Нам нужна не только информация из первых рук, но и обратная связь. Правда, есть ощущение, что чиновники нас не читают: мэрии попросту нет среди подписчиков. В разговоре с мэром Махачкалы Салманом Дадаевым выяснилось, что информационный обмен даже желателен, но вот подписка... «Я не сторонник подписки за счёт бюджета», — ответил мэр коротко и сухо. Хотя я и не настаивал на подписке за счёт бюджета, нам подошла бы любая форма, главное, чтобы у нас была связь с мэрией для ответов на вопросы, которые поднимают горожане.

Я объяснил мэру как смог, что мы не оказываем им информационные услуги, в которых они не нуждаются. Ибо средства массовой информации давно перестали быть прежними СМИ. Информационную повестку формируют социальные сети: любой негатив и вымысел люди принимают охотнее, нежели факты и реальность. Мы же выполняем роль средства массовой фильтрации. Мы будем освещать не только то, что именно про-

изошло, а и то, как и почему произошло и какой выход ищет тот же мэр Махачкалы, чтобы решить проблемы города.

У города сегодня незавидное положение. При дожде тонет в грязевых потоках, чуть упадёт температура — погружается в мрак из-за отсутствия электричества, а при снеге-гололёде и вовсе замерзает. Архитектура ужасна, вода грязна, воздух загазован, нет ни деревьев, ни цветов, ни газонов, в переполненных мусорных баках роются коровы, а подле побиваются кошки и собаки... и крысы. Мы планировали вместе с мэрией рассказать, как ищут выход из этой ситуации власти. В этом же номере заместитель мэра беседует с Найдой Хаспулатовой.

Нас не услышали, когда начали говорить о подписке. Знаете, кого услышал наш градоначальник? Блогера Варламова, который опозорил Махачкалу своими публикациями на весь мир, как самый скверный город России. Теперь перед нами довольно сложный выбор: «играть в Варламова» и гаумиться над городом и министерствами, чтобы выбить подписку на журнал или вместе с руководителями рассказывать, что происходит, как происходит и какие решения проблем города и республики им необходимы уже сейчас?

Дорогой читатель, я думаю, что будет и то и другое. У нас в редакции — лучшие журналисты республики, профессионалы, знающие своё дело. Подпишитесь на журнал «Дагестан» и будьте на связи с нами — нам есть о чём поговорить!

С Новым годом вас!

Магомед Бисавалиев

Содержание

- 4 *Наида Хаспулатова*
Будущее города –
за туризмом
- 12 *Тамерлан Магомедов*
Странное
послевкусие дотаций
- 19 *Наида Хаспулатова*
Парк
сергокалинского
периода
- 30 *Влада Бесараб*
Расправить
крылья
- 38 *Андрей Меламедов*
Дело
о ста миллионах

Фото в номере: Руслан Алибеков, Айдемир Даганов,
Джамия Заидова, Александр Федоров,
Гаджикурбан Расулов

16+

ДАГЕСТАН

№6(159) ноябрь-декабрь 2019 г.

Выходит с августа 2002 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство информатизации,
связи и массовых коммуникаций
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4,
2-й этаж (Союз писателей Дагестана)

Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
1350000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

- 44 *Светлана Анохина* 58 *Магомед Ахмедов*
Патимат Гусейнова:
«Я пошла на бокс потому,
что рвутся холсты!»
Иных уж нет...
- 50 *Светлана Анохина* 59 *Магомед Раджабов*
Про индейцев
Из записной книжки.
Лирика.
Отрывок

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года.

Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

Перерегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан.

Регистрационный номер ПИ № ТУ05-00418 от 22 апреля 2019 года.

ОГРН 1120572002066

Номер сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан».

Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос».
 Адрес типографии: 367000, РД,
 г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Подписной индекс:

на год – 63280,
 на полугодие – 78434.

Периодичность – раз в два месяца

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб.,
 у распространителей – свободная.

Усл. п. л. – 8,5.
 Тираж – 1200 экз.
 Номер заказа –
 Дата выхода –

Наида Хаспулатова

БУДУЩЕЕ ГОРОДА — ЗА ТУРИЗМОМ

Салимхан Ахмедов, первый заместитель главы Администрации Махачкалы — человек в дагестанской политике новый. На свою должность он был назначен менее полугода назад, в июне 2019 года. Уроженец села Цуриб Чародинского района, 15 лет прожил в Москве, за это время много чего добился: окончил аспирантуру, защитил кандидатскую в Московском государственном юридическом университете им. О.Е. Кутафина, там же до сих пор работает преподавателем. Параллельно работал в юридических фирмах, руководил отделами в крупных компаниях. В 2010-м создал собственную юридическую фирму «Стрим Альянс».

Одно из главных направлений работы Ахмедова в администрации Махачкалы — развитие экономики, которая, мягко говоря, в плачевном состоянии. Понятно, что за несколько месяцев существенно изменить ситуацию в этой сфере он пока не успел. Но активно общается со всеми, у кого есть предложения и претензии к городским властям. По словам его собеседников, он понимает их и в меру возможностей становится на сторону жителей города.

Мы решили спросить, не жалеет ли он, что вернулся на малую родину, и почему решил перейти из бизнеса на госслужбу.

— Я никогда не был на госслужбе, я человек другого формата мышления. Но есть несколько причин, по которым на это согласился. Все 15 лет, проживая за пределами Дагестана, я наблюдал за политическими изменениями в республике. И было обидно, когда приезжал сюда и видел хаотичную застройку города, мусор на улицах, поведение молодёжи и многое другое. И вдруг резко сложились одновременно несколько факторов для моего возвращения. Глава Дагестана Владимир Васильев рекомендовал выбрать Салмана Дадаева мэром города, а с ним мы знакомы ещё с 2004 года, вместе учились в аспирантуре в МГЮА. И после своего избрания Салман Кадиявович позвонил и предложил стать его заместителем. Сначала я был категорически против: у меня в Москве уже сложившийся быт, семья, друзья, бизнес, преподавание и т. д., но он в шуточной форме сказал, что настоящий друг познаётся в беде. И действительно, когда приехал его поздравить, я увидел, какая здесь сложная обстановка, что нужно помочь. Но переехал сюда, конечно, не только из-за этого.

Я патриот Дагестана и, если представилась возможность передать опыт, знания, образование, то должен помочь землякам и внести какой-то вклад. И, наконец, немаловажный фактор — атмосфера, которую здесь создал новый глава республики. Я за деятельностью Владимира Абдуалиевича наблюдал ещё, будучи студентом, и для меня он, безусловно, легендарная личность. Я понимал, что при нём можно что-то поменять либо воссоздать. Если бы у руководства Дагестана стояли бы такие же люди, что и в предыдущие годы, я бы не вернулся — за чем мне со стеной разговаривать?

Махачкалинские бизнесмены

— **Какие новые идеи у вашей «московской команды» по развитию города, в том числе по развитию предпринимательской среды?**

— С предпринимателями у городской власти никакого диалога не было, хотя у Махачкалы почти нет заводов, фабрик. Вся налоговая база на сегодняшний день — это

мелкий и средний бизнес, а стало быть, это тот сектор экономики, на который нужно делать акцент. И поэтому сейчас мы выстраиваем с бизнесом совсем другой формат коммуникаций. Ещё летом я познакомился с председателем бизнес-сообщества «Бисом» Абдулахакимом Пахрутдиновым и сказал, что я не чиновник, и знаю обо всех проблемах бизнеса с властью, потому что сам с той стороны баррикад представлял интересы бизнеса в судах, налоговых органах, муниципалитетах. Пахрутдинов обрадовался, что пришёл не классический чиновник, а в каком-то смысле единомышленник.

Я крайне заинтересован в развитии мелкого и среднего бизнеса в городе, но предприниматели, к сожалению, очень разные. Есть «чёрный», который никакие налоги не платит, это, по сути, преступная деятельность. Есть средний вариант, который платит часть налогов, и есть более-менее добросовестные налогоплательщики. Моя задача — коммуницировать с верхним и средним слоем. Их выход из тени не только значительно увеличит бюджет города, но и обеспечит конкурентные условия ведения бизнеса для тех предпринимателей, которые платят налоги.

Кроме того, это не только экономический вопрос, но и социальный. Я говорю предпринимателям: «Если вы не будете платить хотя бы НДФЛ и соответственно страховые взносы с зарплаты, вы лишите наших сограждан гарантированных государством соцвыплат». Если вы работаете по трудовому договору, за вас должен платить работодатель, и мы одним выстрелом убиваем двух зайцев. Махачкалинцы получают право на пенсии и больничные листы и т. д., но часть НДФЛ поступает в муниципальный бюджет, часть — в региональный. А что касается персональных выплат: чем больше будет отчислений, тем выше будет пенсия. И тут у работодателей должна быть ответственность не только перед городом, но в первую очередь перед своим земляком, который должен на что-то жить во время болезни и в старости. А у нас, к сожалению, оформление этих отношений оставляет желать лучшего.

Я предложил на встрече с предпринимателями начать хотя бы с этого налога: «Вы 25 лет жили в своём мире, и никто не говорит, сразу выходите из тени». Как человек, много лет занимавшийся сопровождением налоговых споров, я прекрасно знаю: любая фирма рухнет, если сразу начнёт платить все налоги, так как в себестоимость товаров должны входить и налоги. Цена товара сразу взлетит, и ни один потребитель к ним не зайдёт.

— **Вы сами говорите, что дагестанский бизнес рухнет, если будут правильно платить налоги. И без того в Дагестане, по данным FinExpertiza, в 2018 году закрылось в 5 раз больше предприятий, чем открылось. И на что людям тогда жить?**

— Нет, я говорю о том, что если махачкалинские предприниматели начнут платить налоги полностью, это сильно ударит по людям. Но у нас предприимчивый народ. Может быть, они и начнут за всё платить — найдут выход из ситуации, и наша задача в этой ситуации — помочь им. Бизнес это такая вещь: что-то теряете, что-то находите, — всё зависит от бенефициара бизнеса.

Я уверен, что будут появляться новые предприятия. Мы планируем создать центр поддержки МСП, обновлять списки имущества и земельных участков, которые будем предлагать субъектам малого предпринимательства. Благодаря коммуникациям с бизнес-сообществами всё время будем разъяснять про налоги и другие важные составляющие бизнеса. Люди, понимая, что дальше теневой бизнес вести нельзя, стали регистрироваться. С 2020 года должны принять Закон о самозанятых, по которому с человека, зарабатывающего не более 2,5 миллионов рублей в год, налог будет составлять от 2 до 4%.

Что касается закрывшихся фирм, так я говорил с налоговой по их поводу. Там утверждают,

что всё не так плохо, — какие-то фирмы мигрировали, а закрылись фирмы «однодневки». Просто людей надо просвещать. У нас хайповые новости обсуждаются всеми. А нужную информацию: какие есть налоговые льготы, как оспорить в судах кадастровую стоимость или неправильно начисленные налоги — никто, оказывается, не знает.

— **Вы курируете вопрос предпринимательства, какие у вас в арсенале способы поддержки малого бизнеса?**

— МСП во всём мире является двигателем экономики. У нас есть решение собрания депутатов Махачкалы «О мерах по поддержке малого предпринимательства». Что хотелось бы предпринимателям видеть от властей? Первое — доступ к имуществу и земельным участкам. В рамках нацпроекта по поддержке МСП каждый муниципалитет обязан вывешивать всю информацию о земельных участках на своих сайтах. На сайте администрации Махачкалы ежегодно обновляется перечень имущества и земельных участков, которые выставляются на торги. Эта же информация есть на сайте Минимущества РД.

— **А свободные земельные участки в Махачкале ещё есть?**

— Мы очень много участков возвращаем через суды. С начала года отсужены около 60 участков общей площадью почти 30 га, часть из них — общественные зоны, но и земельный фонд пополняется. Продолжаю отвечать на вопрос о поддержке малого бизнеса, вторым пунктом в планах — создать центр поддержки предпринимательства. Чем просвещеннее и образованнее будут бизнесмены, тем лучше для всех. Когда я рассказываю, что такое ГЧП, как правильно пользоваться налоговой системой, что выгоднее платить 6 рублей со 100 заработанных, чем сидеть как на пороховой бочке и потом откупаться,

— многие представления об этом не имеют. Потом бизнесмены говорят: «К нам приходят те, эти, и от всех надо откупаться». Я отвечаю: «Мы создаём центр поддержки, вы делаете шаг в нашу сторону, легализуетесь, начинаете платить налоги. А в центре поддержки мы вас начнём бесплатно консультировать по всем вопросам как аудиторы, юристы, бухгалтеры».

— А, например, субсидии, льготные кредиты ваш центр поддержки будет давать?

— Нет, муниципалитет не имеет права и возможности давать субсидии; гранты и кредиты это региональный и федеральный уровень государственных программ. Махачкала город дотационный, ей республика помогает восполнять расходы, и субсидировать бизнес не может.

Третий блок мероприятий — прозрачность. Бизнесмены обращаются по разным вопросам: за разрешением на строительство, за земельными участками. Мы полностью реформатируем эти взаимоотношения, изменим их регламент. Это важные шаги навстречу бизнесу. Раньше предприниматель пришёл, подал заявление, и оно лежит где-то полгода, а он деньги в кредит взял, терпит убытки. Поэтому мы эти сроки максимально сокращаем, упрощаем процедуры. Говорим: если к вам приходят работники администрации с непристойными предложениями, держите нас в курсе; идёт работа, чтобы не было никакой бюрократии или коррупции. Вся проблема в том, что люди не обладают элементарными знаниями законов, и этим пользуются нерадивые должностные лица. У крупных компаний есть штат юристов, а мелкие не могут их со-

держат. Вот таким компаниям мы и будем помогать консультациями.

К тому же, с появлением нового главы республики, который всю жизнь посвятил правопорядку, пришла пора поэтапного выхода из сумрака всего бизнесу. Владимир Васильев говорит: «Моя задача привлечь для республики максимально большой бюджет, а ваша задача — этот бюджет освоить в правовом поле».

Надежды и перспективы

— Насколько активно идут инвестиции в Махачкалу? В чём вы видите свою задачу по привлечению инвестиций и как собираетесь её выполнять?

— Махачкала однозначно должна быть туристическим городом, промышленным она уже быть не может. Я знаю, что раньше здесь были десятки фабрик и заводов. Но тогда жило 350 тысяч человек, сейчас, по нашим данным, миллион двести. И так слишком плотная застройка, слишком много машин, мало общественного пространства, если мы ещё и заводы построим, тогда экологическая обстановка и, соответственно, наше здоровье совсем пострадают.

А вот туризм я считаю будущим города. В этом году был туристический коллапс. Аэропорт Махачкалы установил рекорд: за год перевезли полтора миллиона человек. И кто бы ни приехал в Дагестан, в Дербент, в горы, на Сулакский каньон — прилетает в Махачкалу. И поэтому здесь должны быть, как минимум, хорошие гостиницы. А чтобы ещё больше приезжали, надо создавать инфраструктуру, привлекать инвестиции.

Я сам летом искал спокойную и комфортную гостиницу на берегу Каспия, нашёл только две. У нас нет ни одной сетевой гостиницы, которая отвечает стандартам, чтобы в каждом номере обязательно были халаты, фены, гладилки. Поэтому нужны 4-звёздочные гостиницы, работающие по мировым стандартам. Махачкала должна стать центром туризма Дагестана и всего Северного Кавказа.

Я знаю, что в республике никак не решат вопрос с прекращением слива канализации в Каспийское море. Но Президент России Владимир Путин на встрече с главой республики одобрил выделение 5 миллиардов рублей на достройку второй очереди очистных сооружений. Год-полтора, и в наше море не будет сливаться никакая гадость.

У меня есть пул клиентской базы, с которыми остались коммуникации. Когда я здесь проработаю почву и пойму, в каком направлении нужны инвестиции, а на сегодняшний день это рекреация, гостиничные комплексы и т.д., я начну переговоры с крупными московскими бизнесменами. Они ведь всё анализируют, смотрят на быстро растущий спрос. Думаю, что инвесторы с удовольствием придут.

Но одной отраслью экономики, конечно, нельзя ограничиваться. За эти несколько месяцев удалось переговорить с разными инвесторами, в том числе и иностранными. С «Бисомом» выезжал в Турцию на первый турецко-дагестанский форум предпринимателей, общался с турецким бизнес-сообществом. Некоторые заинтересованы поставлять товары в Дагестан и со временем готовы рассмотреть вариант открыть здесь производство мебели и т. д.

Второе направление. Благодаря авторитету Владимира Абдуалиевича многие федеральные компании начинают интересоваться Дагестаном, как перспективной инвестплощадкой. Как мне кажется, крупные компании начали понимать: кто первый сюда нырнёт, тот выиграет. На днях состоялась встреча председателя правительства Артёма Здунова с представителями крупнейшей инвестиционной компании АФК «Система», которая входит в топ 10 российских компаний по выручке. Им принадлежит МТС, а также у них разные направления: медицина, строительство, АПК. Потом была отдельная встреча представителя АФК «Система» с руководством Махачкалы.

— Многие предприниматели и граждане недовольны многократным повышением кадастровой стоимости. Согласовывалось ли это повышение с мэрией и считаете ли вы его справедливым?

— По кадастровой оценке ситуация очень простая, для начала давайте разделим граждан и предпринимателей. Для граждан в прошлом году Городское собрание Махачкалы приняло решение об уменьшении коэффициента земельного налога, сейчас он в Махачкале минимальный, всего 0,1%. То есть, если ваш участок стоит миллион рублей, в год вы платите всего тысячу. При этом в Налоговом кодексе есть ограничение. Даже если у вас повысили кадастровую стоимость в 10 раз, ежегодно вам могут повышать земельный налог только на 10 %.

А что касается бизнеса, нет никакого повода для паники, хотя отдельные предприниматели возмущаются. Любое заинтересованное лицо может оспорить кадастровую стоимость. Как минимум есть четыре варианта. Можно было подать замечание, когда промежуточный вариант был размещён на сайте. Если не успел, то можно оспорить в любое время — процедура детально расписана в № 237 ФЗ. Просветительская работа проводилась тщательнейшим образом; вице-премьер Толстикова на всех совещаниях спрашивала, как проводится разъяснительная работа. Администрация Махачкалы раз-

мещала ролики на телевидении, публикации в СМИ, билборды, где подробно был описан порядок подачи замечаний на новую кадастровую стоимость. Кроме того, что касается будущего оспаривания кадастровой стоимости, то я лично буду следить за тем, чтобы поддержать бизнес, которому необоснованно завысили оценку.

— Вы много лет работали в Москве, сейчас тут. Есть ли разница между предпринимателями и чиновниками двух городов?

— Большая разница. Я бы отметил наше отставание в знаниях в нормативно-правовой сфере. У нас либо супергениальные люди, либо те, кто знает намного меньше, чем при такой должности должен был бы, а многие вообще ничего не знают. И бизнесмены, и чиновники в Махачкале мыслят устаревшими категориями, разумеется, я не про всех говорю. К примеру, я постоянно слышу от подчинённых: «У нас было так...», на что приходится говорить: «Было так, при мне будет иначе». Но они готовы меняться, или мы их поменяем со временем. Москвичи ментально цивилизованнее, у них намного выше бытовая культура. В Москве я никогда не видел, чтобы люди выбрасывали арбузные корки на улице, а в Махачкале летом они всюду валяются. Но люди ни в чём не виноваты, виновата власть, которая так обозлила их.

Магазины, рынки и гипермаркеты

— При всех мэрах говорили о переносе оптовых рынков за город, но при этом и Цумадинский и Дагэлектромаш до сих пор работают. Что будет с рынками, планируют ли их переносить?

— Вынести рынки — не самоцель, цель — сделать цивилизованную торговлю. Администрация Махачкалы сейчас проводит рейды по рынкам, 90 % продавцов мяса не могут предъявить сертификат качества, а это здоровье людей. Но на рынки ходят тысячи людей и, если разом их перенесём, создадим неудобства обычным покупателям и продавцам. Поэтому концепция такая: мы рассматриваем вопрос о переносе рынков за город, потому что там, где они сейчас, — антисанитария, и они создают пробки. Но нужно сначала создать торговую инфраструктуру в Махачкале. Уже появились гипермаркеты в разных районах города, появилась альтернатива, со временем появятся торгово-развлекательные комплексы, гипермаркеты типа Ашана и Леруа Мерлена, где всё можно купить. Такие центры очень удобны покупателям. В одном месте

можно получать сразу много услуг: покупка одежды, продуктов, кинотеатры, развлечения. И мы предложим хозяевам рынков переформатировать свой бизнес и строить нормальные торгово-развлекательные центры, куда зайдут известные бренды. Хозяйка рынка на Ирчи Казака уже обращались к нам, они хотят построить такой центр. Тогда будет много центров, и рынки можно будет вынести за пределы города, люди не пострадают.

— Но в любой европейской столице очень много маленьких магазинчиков и кафе, а мэрия Махачкалы планирует избавиться от магазинов шаговой доступности?

— В Москве их тоже много, пройдитесь по дворам. Но раз-два в месяц люди всё равно едут в Ашан и закупают много продуктов и бытовой химии, а в маленьких берут продукты на каждый день. И тот и другой формат должны быть в городе, мы не будем мешать зарабатывать тем махачкалинцам, которые построили маленькие магазины во дворах. Наша главная задача — построить цивилизованную торговлю, а нет ни одного махачкалинца, который скажет, что у нас она цивилизована.

Маршрутки или автобусы?

— Пыталась ли мэрия проверить обоснованность повышения цен на проезд в маршрутках и высчитать себестоимость поездки?

— Есть Закон о транспортных перевозках. Автобусы и троллейбусы — регулируемый тариф, маршрутки — нерегулируемый. По регулируемому тарифу, если мы говорим перевозчикам, что стоимость проезда должна быть не выше 17 рублей, а они доказывают, что себестоимость проезда выше, эту разницу должен доплачивать муниципалитет. Таких денег в бюджете Махачкалы нет. Поэтому в своё время было принято решение: проезд в маршрутках сделать нерегулируемым. Но могу сказать стопроцентно, что на сегодня себестоимость этих перевозок с уплатой всех налогов составляет 35 рублей. Когда было 17 рублей и подняли до 23, транспортные компании заявили, что если от них будут требовать налоги, они поднимут стоимость поездки. Но из 9 перевозчиков платить налоги начала только одна компания. Мэрия сама обратилась в УФАС Дагестана, там нас поддержали, по-

том транспортные компании обратились в УФАС России, и он поддержал их, вынес решение, что тариф в рамках закона.

— Раньше шли разговоры, что Махачкала решила избавиться от маршруток, стали активно развивать автобусы и троллейбусы. Какие планы у мэрии сейчас насчёт общественного транспорта?

— У Махачкалы специфичное пространство. Автобусы будем развивать на магистральных направлениях. Но пустить по всему городу большие автобусы невозможно, учитывая нашу хаотичную застройку и безобразную парковку, поэтому на данном этапе маршрутки необходимы. Самая большая транспортная проблема Махачкалы в том, что город рассчитан на 50 тысяч машин, а их 150 тысяч. Но в будущем мы планируем интеллектуальную транспортную систему, которая внедрена в Москве, где идёт регулировка транспортных потоков. Когда мы внедрим эту систему, будет правильное парковочное пространство. Сегодня на Ярагского одна полоса полностью занята парковкой. В Москве так было на Тверской, но в итоге на ней вообще запретили ставить машины. К этому надо быть готовым.

Тамерлан Магомедов

СТРАННОЕ ПОСЛЕВКУСИЕ ДОТАЦИЙ

Правительство республики рассмотрело прогноз социально-экономического развития РД на 2020 год и плановый период 2021 и 2022 годов. Доклад тогда ещё врио министра экономики и территориального развития РД Гаджи Султанова был построен на базовом варианте прогноза, который и взят за основу при разработке республиканского бюджета. Были подведены и прогнозные итоги 2019 года.

Ключевым значением в этом докладе является внутренний региональный продукт (ВРП). Этот малопонятный термин подразумевает совокупную добавленную стоимость всех произведённых в республике товаров и услуг. Грубо говоря, вложив в сырьё 1 тысячу рублей и произведя готовую продукцию на 3 тысячи, мы получим 2 тысячи добавленной стоимости. Сложив добавленную стоимость всех товаров и услуг, получим показатель ВРП. И здесь стоит обратить внимание на то, что при самых низких зарплатах по стране Дагестан стабильно занимает по объёму ВРП достойное 32-е место среди российских регионов. По оценке Минэкономразвития, в 2019 году объём валового регионального продукта в Дагестане составит 672,2 млрд рублей.

Если верить статистике и словам вице-премьера Гусейнова, в 2019 году у нас бюджет 126 млрд рублей, из них федеральных около 90 млрд рублей: более 66 млрд рублей дотаций плюс целевые субсидии, участие в федеральных программах, нацпроектах и так далее.

По этому показателю мы лидеры. Дотирование в этом году получили семьдесят два

региона из восьмидесяти пяти. По данным федерального Минфина, в республику всего поступит в этом году порядка 66,3 млрд рублей. И хоть пять регионов-лидеров, которые получали бюджетные трансферты, по сравнению с 2018 годом не изменились, дотационные отчисления в бюджет нашей республики выросли примерно на 10 процентов.

Несмотря на заявление Гусейнова, что республика целенаправленно снижает уровень дотационности и наращивает собственные доходы, федеральная статистика говорит об обратном. Заявленный вице-премьером прирост собственных доходов республики в 2018 году не покрывает возрастающей нагрузки на республиканский бюджет. Чтобы выполнять свои социальные обязательства, республика вынуждена просить всё больше субсидий. На нашем фоне даже цветущая (во всяком случае, внешне) Чечня смотрится скромно со своими 30 млрд дотаций из центра. Аппетиты же дагестанских чиновников продолжают расти. По словам того же Гусейнова, чтобы ситуация в республике начала меняться, годовой бюджет должен составлять не менее 250 млрд рублей.

Конечно, забавно слышать подобные заявления из уст чиновника, не сумевшего обеспечить исполнение бюджета даже при 120 млрд, в результате чего порядка 10 млрд рублей остались неосвоенными. Однако попытаемся понять, за счёт чего такой фантастический бюджет может быть сформирован, если не говорить о дальнейшем усилении дотационности. Пока экономика республики демонстрирует весьма незначительный рост. Предположительно её прирост составит в этом году всего 1 %. Правда, эта цифра полностью совпадает с общероссийским показателем. По мнению федеральных экспертов, рост ВВП России в 2019 году также составит всего около процента. По данным Минэкономразвития России, достичь даже такого показателя стране удалось лишь в третьем квартале, когда прирост ВВП достиг 1,9 % после 0,5 и 0,9 % в первом и втором кварталах. Аналогичная динамика прослеживается и в республике, хотя на последующие годы прогноз более оптимистичен. К примеру, прогнозируется, что до 2024 года ВРП Дагестана в среднем ежегодно будет расти на 3,7 %. Рост объёмов производства должен случиться во

всех секторах экономики региона, структура которой за последнее десятилетие практически не меняется.

Долговая яма мельчает

Радует то, что республике удаётся снижать свой госдолг. За этот год он снизится на 600 млн рублей — с 9,8 млрд до 9,2 млрд рублей. С учётом того, что на начало 2016 года госдолг республики составлял 17 млрд, сокращение заметное. Однако оценить природу этого финансового чуда, не имея всех данных, сложно. По словам Гусейнова, добиться снижения госдолга удалось за счёт отказа от коммерческих кредитов. Однако достижение ли это Гусейнова или выправить ситуацию вновь удалось лишь за счёт авторитета Владимира Васильева в Москве? Сегодня республика получает бюджетные кредиты по низким ставкам, на которые республика, к сожалению, не могла рассчитывать при Абдулатипове. Чтобы исполнять поставленные федеральным центром КРП, республике приходилось всё дальше проваливаться в долги, размер которых достиг 78 % собственных

доходов бюджета, составлявших тогда 21,7 млрд рублей.

Отдельным предметом гордости Гусейнова стало снижение объёма гарантийных обязательств, входящих в структуру республиканского госдолга. В 2018 году, по его словам, на республике висело гарантийных обязательств более чем на 2 млрд рублей. К концу 2019 года их сумма снизилась до 1 млрд. О том, как этого удалось добиться, рассказал Владимир Васильев в ходе встречи с Владимиром Путиным, признавшись, что все пять инвестиционных проектов на 2017 год оказались неработающими. В настоящее время все они закрыты и стали предметом уголовного разбирательства. Выданные под эти проекты госгарантии республика вынуждена отсуживать, как в случае с заводом керамической плитки «Мараби».

В июне этого года правительство республики обратилось в Арбитражный суд с иском о признании недействительными государственных гарантий, выданных инвестиционному проекту «Мараби». Дело в том, что Сбербанк заявил о намерении взыскать с Правительства РД 417,3 млн рублей по госгарантиям по обязательствам ООО «Мараби». Получается, что все крупные

проекты в республике схлопнулись окончательно и бесповоротно. О новых проектах такого масштаба пока не слышно. На этом фоне странно выглядит заявление Владимира Васильева в беседе с Владимиром Путиным о приросте инвестиций в основной капитал. По объёмам инвестиций в который, за исключением монополий и федерального бюджета, в республике якобы наблюдается рост на целых 35 процентов, что превосходит все плановые показатели.

И тут, конечно, хотелось бы иметь некую расшифровку. Чего такого построили или купили в республике за год для прироста основных фондов на целую треть. С учётом того, что госинвестиции в строительство социальных объектов в данном случае не учитываются, то и припомнить как-то ничего не получается.

О том, что звучащие в докладе Васильева Путину цифры не вполне коррелируют со статистикой республиканского Минэкономразвития говорит и то, что значительную долю (27,0 %) в структуре ВРП по-прежнему формирует торговля. И здесь сохраняется явный перекося. В структуре ВВП страны торговля занимает всего 16 %. Аналогичную долю (16,3 %) торговля

занимает и в структуре ВРП соседнего Ставропольского края, где также развита оптовая торговля. О том, что такой перекоп действительно существует, можно судить исходя лишь из одного количества торговых точек в городах Дагестана. В сравнении даже с соседними регионами их количество избыточно. Однако этот перекоп планируется немного выправить. К 2024 году доля торговли в ВРП республики должна снизиться до 22,9 %. Но и здесь необходимо понять, за счёт чего прогнозируется такое изменение. За счёт роста других отраслей экономики? Или всё же исключительно за счёт усиления фискального контроля в сфере торговли, вынуждающего предпринимателей уходить с рынка, а также вследствие объективного обнищания населения и снижения его покупательской способности.

Безусловно, ужесточения по сбору налогов будут давать результаты до тех пор, пока большая часть экономики республики не выйдет из тени. Акцент пока делается на работе с АЗС. В 2018 году, по данным Гусейнова, в республике в 2,9 раза выросли поступления налогов от заправок, составив в общей сложности порядка 170 млн рублей. В настоящее время в республике более 700 АЗС, которые уже все поставлены на налоговый учёт. Создана даже «Ассоциация владельцев АЗС», участники которой обязались показывать в налоговой не менее трёх рабочих мест при средней заработной плате не менее 18 тыс. рублей. Если вновь считать грубо, то в случае, если все АЗС республики начнут соблюдать это соглашение, то годовой фонд зарплаты в отрасли составит порядка 450 млн рублей. Поступления по линии НДС при этом не превысят 60 млн рублей в год. Вопрос о том, насколько полноценно заправки будут уплачивать налоги с продаж топлива, особо не затрагивается, хотя все АЗС обязали установить эквайринговые терминалы.

Агропром идет в рост

На этом фоне особо заметен уровень развития в республике сельского хозяйства, доля которого в ВРП составляет 17,2 %.

Достаточно сказать, что по этому показателю мы обходим Ставропольский и Краснодарский края. Для сравнения, в структуре ВВП агрокомплекс занимает всего 4,4 %. Перед АПК страны поставлена задача до 2024 года удвоить экспортный потенциал. А это значит, что выбирающий для себя перспективную профессию дагестанец может вновь задуматься о получении профильной профессии. Государство всерьёз и надолго возвращается к земле, начиная вкладывать миллиарды рублей в модернизацию системы мелиорации и рекультивации. Ставка делается на внедрение современных технологий. В республике возрождается рисоводство, закладываются интенсивные сады и теплицы, разрабатываются меры по развитию животноводства.

На этом фоне отмечаются и проблемы. К примеру, снижение в республике темпов строительства с текущих 15,1 % до 13,6 % к 2024 году. Бурно развивавшийся в тени строительный комплекс республики схлопнулся после того, как новое руководство пожелало полной уплаты всех налоговых платежей. Многие коммерсанты уходят из этой ранее «жирной» отрасли, не желая рисковать в сфере освоения бюджетных средств. Зарабатывать по новым правилам сегодня способны далеко не все, а рисковать свободой в случае нарушений желающих не много.

Промышленность без потенциала

На этом фоне обращает на себя внимание то, что доля промышленности по прогнозам увеличится в структуре республиканского ВРП с 7,7 всего до 9,1 %. В структуре ВВП этот показатель уже сегодня составляет 13,7 %. Объяснением такого прогноза является текущая ситуация в отрасли. Планируется, что индекс промышленного производства составит в этом году всего 90,2 %. То есть вместо роста отмечается заметное снижение. И этому тоже есть объяснение — в республике произошёл резкий спад заказов в оборонной промышленности. Объёмы государственных оборонных заказов в 2019 году сократились на 64,5 %, или 4,1 млрд

рублей. Сильнее всего снижение госзаказа ударило по заводу «Дагдизель» (на 97,6 %) и концерну КЭМЗ (на 53,1 %). Их суммарное сокращение составило 3,8 млрд рублей.

Васильев убеждён, что в республике есть два мощных предприятия с тысячами высокопрофессиональными сотрудниками и с техническими возможностями, позволяющими производить весь спектр оборонной продукции. Однако так ли дела обстоят по факту? К примеру, ещё в феврале 2015 года тогда ещё профильный вице-премьер рос-

сийского правительства Дмитрий Rogozin говорил о необходимости модернизации завода «Дагдизель» с целью возвращения

его в лоно российской современной промышленности. Тогда это было особенно актуально ввиду срочности запуска импортозамещения в оборонной сфере. Но завод оказался не готов к выпуску торпед.

«Цеха «Дагдизеля» работают, но на очень старом оборудовании. Понятно, что говорить о создании современного оружия на такой технологической базе очень сложно. Если республика рассчитывает провести модернизацию за счёт федеральной целевой программы, то нужно думать о возвращении государству контроля над предприятием. А как это осуществить, будет обсуждаться с руководством республики, другими заинтересованными коллегами. У нас есть подобного рода ситуации и по другим отраслям, но с такой проблемой мы сталкивались и решали её, в частности в ракетно-космической промышленности. Нужно её решить и в данной отрасли, иначе здесь не будет новых технологий, нового оборудования, у людей будут низкие зарплаты, они будут «ковьялять» вдогонку за гособоронзаказом, пытаясь решить какие-то насущные проблемы, предприятия будут чахнуть», — сказал тогда Rogozin. Завод после этого вошёл в состав госкорпорации «Тактическое ракетное вооружение», однако, насколько сдвинулась с места модернизация, неизвестно.

Однако в гражданской сфере промышленность заметно растёт. Индекс промыш-

ленного производства (без учёта производства военной продукции) по итогам 9 месяцев составил 113,2 %. Стараясь выправить ситуацию, правительство республики запустило диверсификацию оборонных предприятий. И хотя конверсия многими промышленниками воспринимается негативно, выжить иначе не выйдет. Для выпуска современных видов продукции опять-таки необходима модернизация производства и переобучение персонала. Ведь оборонная отрасль не стоит на месте. С развитием тех-

С развитием технологий растут и требования к производствам. Средств на это у наших заводов нет.

нологий растут и требования к производствам. Средств на это у наших заводов нет. Ранее главной причиной развала предприятий

являлась коррупция, когда все доходы предприятий выводились на сторону. Перевооружаться сегодня в ряде случаев просто не на что, а доходов порой хватает от силы на выплату зарплат.

Единственно правильный выход из ситуации озвучил премьер-министр Артём Здунов, обозначивший курс на региональное импортозамещение. Производители и чиновники сегодня совместно ломают голову над разработкой номенклатуры продукции, которую в рамках госзаказов республике приходится закупать извне, и которую могли бы производить наши заводы. Развитие такой внутриреспубликанской кооперации промышленных предприятий и органов власти в конечном итоге позволит сохранять здесь те колоссальные федеральные средства, которые приходят в Дагестан в рамках реализации национальных проектов и уходят к поставщикам необходимой продукции из других регионов. От того, насколько Артёму Здунову удастся загрузить дагестанские предприятия внутренними заказами, зависят перспективы развития всей отрасли в целом.

ТОР нам в помощь

При этом стоит признать, что радоваться пока нечему. Несмотря на то, что в 2020–2024 годах прогнозируется рост

промышленного производства в среднем на 8,4 % в год, по объёмам промышленного производства Дагестан страшно отстаёт даже от общероссийского уровня. В расчёте на душу населения объём промышленного производства планируется увеличить с 24,3 тыс. рублей в 2018 году до 38,2 тыс. рублей в прогнозе на 2024 год. За тот же период аналогичный рост по стране прогнозируется с 476,4 тыс. рублей до 710,2 тыс. рублей. Таким образом, сохраняется разрыв в 18 раз. Прогнозы развития промышленности экономисты связывают с реализацией новых инвестиционных проектов. В первую очередь тех, что сегодня запускаются в окрестностях Каспийска и Дагестанских Огней на территориях опережающего развития (ТОР).

По словам Гаджимагомеда Гусейнова, основой для развития ТОР стало инициированное руководством республики усиление фискальной работы. Заставляя всех платить налоги, руководство республики вынудило коммерсантов искать налоговые льготы. Получить их можно в качестве резидента ТОР. Благодаря этому в Каспийске инвестплощадка «Уйташ» уже полностью укомплектована резидентами и формируется ещё одна на 28 гектаров, чтобы принять всех потенциальных инвесторов. Как заявил вице-премьер, на «Уйташе» одна из компаний-резидентов сейчас реализует проект по созданию индустриального парка, в рамках которого предполагается строительство производственно-складских помещений, обеспеченных всей необходимой инфраструктурой, которые будут сдавать в аренду мелким предпринимателям. По его словам, это своего рода промышленный коворкинг, срок реализации проекта рассчитан до 2021 года, объём инвестиций — порядка 500 млн рублей.

Изучение доступной в Интернете документации показало, что Гусейнов говорил об индустриальном парке «Аврора», о строительстве которого неоднократно заявлялось ещё с 2011 года, когда проект был презентован Магомедсаламом Магомедовым. Реализация этого проекта — ещё один вызов Артёму Здунову и всей его команде.

Если в ближайшие годы технопарк действительно заработает, это станет наглядным доказательством успешности применяемой сегодня федеральным центром тактики внедрения «варягов» в регионы.

Для достижения поставленных целей сегодня активирована реализация республиканской госпрограммы «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности на 2015–2020 годы», в рамках которой предусмотрено выделение только в текущем году почти 1,3 млрд рублей на модернизацию промышленности, строительство индустриальных парков и газификацию населённых пунктов. Существенную поддержку республика получит и в рамках реализации национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости». К его реализации в 2020 году будут допущены пять флагманских предприятий дагестанской промышленности. В ходе совещания в Махачкале при участии федерального министра финансов Антона Силуанова удалось прийти к пониманию, что дагестанские предприятия необходимо подключать к реализации этого проекта уже сегодня. Благодаря этому удалось ускорить процесс и, вместо запланированного 2022 года, начать работу в этом направлении уже в будущем году.

Энергии энергетики

Неожиданно на этом фоне выглядят озвученные Гусейновым планы реализации проекта каскада малых ГЭС на реке Самур и создания энергетического кластера с гибридной генерацией, сочетающей мощности гидроэнергетики с солнечной и ветряной. На первом этапе, по его словам, планируется строительство одной ГЭС с двумя плотинами, объём инвестиций в первый этап оценивается в 6,6 млрд рублей. В перспективе может появиться до семи ГЭС общей мощностью до 170 МВт. Сейчас руководство республики якобы продвигает этот проект, уже получив предварительное одобрение на кредитную линию в Сбербанке. Но эта информация больше пугает, чем радует.

Во-первых, строительство ГЭС (пускай даже и малых) это глобальные проекты, предполагающие серьёзный урон окружающей среде и многомиллиардные затраты в течение многих лет. К тому же на таких грандиозных планах можно здесь и сейчас хорошо пропиариться, но наверняка не придётся спустя много лет отвечать за их реализацию. Владимир Васильев уже назвал приехавшего год назад работать в республику выпускника кремлёвской «Школы губернаторов» Гусейнова будущим руководителем одного из регионов страны. Понятно, что для реализации таких политических амбиций Гусейнову необходимо о себе громко заявлять.

Вторым пугающим фактором в планах строительства на Самуре каскада малых ГЭС является озвученное Гусейновым предварительное одобрение Сбербанка. И здесь очень важно понимать, что перед выдачей подобного кредита банк проводит оценку проекта с привлечением специализированных компаний. Практически бессменный оценщик на дагестанском инвестиционном поприще с 2012 года — ООО «НЭО Центр». Компания проводила экспертизу бизнес-планов таких громких проектов, как ЗАО «Нергиз Дагестан» (текстильная фабрика с участием турецких инвесторов), ООО «Дагагрокомплекс», «Кикунинский консервный завод» и «Мараби». Чем закончились все эти проекты, известно. Среди учредителей компании тогда значился старший сын Германа Грефа — Олег. ООО «НЭО Центр» с учредителем Олегом Грефом в 2013 году закрылось. А на его месте возникло АО «НЭО Центр», список учредителей которого засекречен.

Развитие республики: корпоративная убыточность?

Уже тогда злые языки утверждали, что ООО «НЭО Центр» зависило стоимость 6 участков земель, которые вошли в уставный капитал Корпорации развития Дагестана, что позволило довести его на бумаге до 6,6 млрд рублей. И это при том, что их кадастровая стоимость не превышала 838

млн. Исходя из такой арифметики, акционерный капитал Корпорации составлял тогда не 6,6 млрд рублей, а лишь около 1,2 млрд. И эта информация недавно отчасти подтвердилась. 22 ноября министр по земельным и имущественным отношениям республики Агарагим Кагиргаджиев провёл совещание с представителями открытых акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью со 100-процентным государственным участием, где представитель ОАО «Корпорация развития Дагестана» рассказал, что Южное ГУ Банка России одобрило решение о дополнительном выпуске акций Корпорации общей стоимостью 537,7 млн. Таким образом, с учётом ранее выпущенных акций за 2017–2018 годы, общий объём ценных бумаг Корпорации будет номинально эквивалентен 1,365 млрд рублей. Официально докапитализация Корпорации проводилась для реализации новых инвестиционных проектов. Однако, по данным информационной системы «Рус-профиль», за 2017–2018 годы Корпорация понесла убытки в размере более чем 1,6 млрд рублей. Природа этих убытков не раскрывается. Данные за этот год будут доступны только в конце следующего года, поэтому оценить эффективность работы Корпорации сложно. Равно как и оценить эффективность реализации инвестиционных проектов.

Как вы уже поняли, вопросов к Гаджимогомеду Гусейнову и по прошлым делам, и по перспективным направлениям у нас действительно было немало. К сожалению, встретиться с нами, хотя мы буквально напрашивались, у него пока не получилось «ввиду большой занятости». А оптимистические прогнозы у нас самих никак не получаются. Планы развития республики по-прежнему остаются неясными, и куда мы будем в ближайшие годы двигаться, пока непонятно. Остаётся лишь надеяться, что республике и дальше удастся удерживать пальму первенства среди российских регионов по объёму федеральных дотаций. Тогда и «майские указы» выполним, и кремлёвские КРІ сможем соблюсти.

Найда Хаспулатова

ПАРК СЕРГОКАЛИНСКОГО ПЕРИОДА

Борьба с безобидными деревьями приняла во всём Дагестане сокрушительный размах. Города, большие сёла, которые в советское время строились по вполне европейским градостроительным стандартам — широкие прямые улицы, парки, аллеи, лесополосы, вдруг вспомнили, что они дагестанские. И стремительно стали превращаться в огромные аулы: с домами друг на друге, узкими кривыми улочками и полным отсутствием зелени. Всю растительность продолжают безжалостно вырубать, несмотря на громкие заявления постоянно меняющихся руководителей республики, правительства, городов. И если древние горные аулы прекрасны и самобытны, то про современные это никак не скажешь.

Попытки изменить ситуацию связаны в основном с федеральной программой «Формирование комфортной городской среды», тем более что в последние два года в неё стали включать и сёла. В нескольких городах и райцентрах Дагестана уже построили скверы. Я не знаю, что подразумевается под названием сквер в этой программе. В реальности это обычно небольшая детская площадка, рядом такая же маленькая спортивная, штук пять скамеек и несколько десятков саженцев. Это, конечно, лучше, чем ничего — во многих районах это вообще первые детские площадки и первые современные скамейки за всё время существования. Но... не впечатляет.

Впечатлиться мне удалось только в Сергокале. На въезде в это горное село возникает ощущение, будто попала в итальянский или испанский городок. Новые большие ухоженные дома не редкость: нездешнее впечатление производят местные жители, выглядящие более современно и по-городскому, чем прохожие в Махачкале.

Но главное, здесь много ухоженного общественного пространства, что и отличает цивилизованные города от трущоб. Асфальт на всех улицах, даже самых маленьких, скворечники на деревьях, и никакого мусора, ни фантика, ни окурка. Особенно красиво главная улица райцентра выглядит вечером: новенькая дорога с романтичными фонарями, красивыми домами и вывесками. При свете дня становится видна главная красота Сергокалы — парки и скверы на каждом шагу.

Более того, в то время когда все дагестанские парки активно застраиваются, здесь заложили новый парк. Насколько я знаю, это первый новый парк в республике после распада Советского

Союза. Небывалая ситуация: у нас ведь принято продавать каждый метр земли под какую-нибудь стройку.

Райцентр как парковая зона

Центральный парк, около которого расположено здание райадминистрации, выглядит просторно, чисто и нарядно. Именно с него начал знакомить нас с родным селом глава района Магомед Омаров. Этот парк ещё советский, но в прошлом году его реконструировали, когда ставили бронзовый бюст знаменитому сергокалинцу, Герою России Магомеду Нурбагандову. К 90-летию района, которое отметили 28 сентября, установили памятники сергокалинцам

Героям Социалистического Труда, мемориальные плиты — орденосцам и участникам войны. Глава района уверен, что очень важно напоминать о достойных земляках. Тем более что в этом районе фактически все коренные жители, и каждый находит среди лучших людей района своих родственников, земляков, гордится, понимает, что и его заслуги не забудут.

При этом парк очень романтичный: фонтаны, пышные деревья, цветущие газоны, широкие аллеи, красивое старинное здание из красного кирпича, указатели на русском и английском языках.

Оказалось, что это бывший штаб 83-го Самурского пехотного полка, основанного в 1846 году Сергокалу. Напоминанием о тех временах является старый мост посередине села. На самом деле это акведук тех же времён — для обеспечения водой Сергокалы, и сейчас под бетоном проходит трубопровод.

Реконструкция проходила сложно. Проект получил финансирование по федеральной программе, но парк, как и в других местах, оказался застроен со всех сторон. Глава района показывает: «Вот здесь ветстанция была, это был колхозный

рынок райцентра; бывший глава его себе забрал, холм и обрыв я разровнял, мелкие здания и сараи снесли — и образовалась площадка. С одной стороны был магазин, два года уговаривал владельца переехать на другое место. Согласился, и даже компенсацию не взял. В штабе Самурского полка будет самый красивый музей. Когда я фонтан сделал, односельчане говорили: «Зачем он нужен?» Я отвечаю: это символ благосостояния народа. Сейчас свадебные кортежи приезжают из соседних районов, чтобы сфотографироваться около фонтанов».

В парке на улице Матросова идёт благоустройство. Строительные работы уже заканчиваются, сделаны часть дорожек и газонов, стоит новое внушительное здание, внутри ковры и скамейки, отопление, большая кухня. Здесь

любая сергокалинская семья может устроить тазият. В просторном зале помещается несколько сот человек, и мужчинам не приходится сидеть несколько дней на улице. Рядом кафе для ветеранов, с шашками и домино, вечером здесь не бывает свободных мест. Начали строить детскую площадку, окрестные дети с нетерпением её ждут.

Но главный парк площадью 7,5 гектаров только начали строить на окраине села. Место для него выбрали очень необычное — бывшая свалка, которая постоянно дымила, а при ветре засыпала мусором всё село. Магомед Омаров с гордостью показал нам центральную аллею парка, уходящую за холмы, которую рабочие укладывают яркой плиткой, и пока единственное здание в будущем парке.

— Я девять общественных туалетов построил в Сергокале, всегда с них начинаю. Знаешь, какой вид будет, когда парк достроим! На свалке мы разбирали мусор: дерево, бумагу сжигали, пластик вывозили на избербашскую свалку. В районе сделал мусорный полигон, его на 50 лет хватит: не дымит ничего, всё закопано. 5 тысяч деревьев хочу посадить, к каждому капельное орошение подвести. Аллея будет идти до вершины холмов, на ней три площадки. На первой — детские качели, на второй — спортивная площадка, на третьей — летний кинотеатр, концерты будут проводить, а вокруг дорожки, деревья, скамейки, фонари. Рестораны, шашлычные, кафе-мороженое — всё откроем. Три года парк будет строиться, но каждый год по одной части будем открывать, деревья на днях посадим. Чёртово

колесо хочу поставить, вид здесь очень красивый, вырастут берёзы, платаны, а за холмами горы, густые леса.

Здесь свободного места уже нет, село растёт. Видите, рядом новые сетевые заправки строят, на территории парка несколько участков было продано, но я попросил освободить.

Я бы везде эти парки строил; на центральной улице, как закончим ремонт, посадим деревья с двух сторон, освещение там уже есть, и на других улицах хочу провести. И это только начало. Я заметил, где асфальт кладут, люди начинают свои дома ремонтировать, окна-крыши менять, становятся более вежливыми, чистоплотными, активнее стараются заработать.

Дети любят всё новое

Культуру и образование нужно прививать с первых лет жизни, уверены сергокалинцы. Поэтому здесь нет откровенно безобразных детсадов и школ, какие мы показывали в других районах, во всяком случае, по словам тех людей, с которыми мы общались. В Сергокалинском районе 18 детсадов, из них 5 в райцентре, что неплохо для 30-тысячного района.

Последний детсад построили в конце прошлого года в центре Сергокалы. Садик здесь был, но давно обветшал. Новое здание соответствует всем стандартам — яркое, с большим двором, игровой площадкой, садом. Дети с удовольствием катаются на качелях, бегают по двору. Заведующая **Умажат Рашидова** показывает красочные спальни, игровые, забитые игрушками, музыкальный и спортивный залы:

— Старое здание не соответствовало никаким санитарным и пожарным нормам, его признали аварийным. Новое здание введено в эксплуатацию в январе 2019 года, тут совсем другие условия для детей и работников. Мы проводим весь учебный процесс по образовательным программам. Дети очень обрадовались переезду, им всё интересно: спальни, игровые комнаты; даже в плохую погоду выходим на прогулку и занимаемся в беседке. Дети любят всё новое, каждый день у них как сказка, и создают эту сказку наши воспитатели.

Мы заехали ещё в один садик, там так же малыши носятся по новенькой площадке во дворе. Сергокалинские малыши очаровательны — весёлые, общительные, хорошо образованные для своего возраста. К моему удивлению, чуть ли не половина из них — голубоглазые блондины европейского вида. На мои деликатные вопросы ответили, что все они — чистокровные даргинцы. Для меня даргинские блондины стали неожиданностью.

По республиканским программам за последние два года в районе капитально отремонтированы 4 из 22 школ. Сергокалинская школа № 2 была открыта ещё в 1852 году — сначала для детей офицеров Самурского гарнизона, со временем в неё стали принимать и местных. В новое здание переехали в 1988 году, школа строилась по всем стандартам того времени, но обветшала за 30 лет. Средства на капитальный ремонт были выделены главой республики Владимиром Васильевым. Директором школы здесь

Нурбаганд Нурбагандов — отец Героя России Магомед Нурбагандова, погибшего в 2016 году.

Ремонт начался в июне, но идёт до сих пор. Ремонт роскошный: мраморная плитка, дорогие ламинат и двери, лучшие краски, снаружи отделка модной штукатуркой «короед». Зато после ремонта, говорит Нурбагандов, школа будет отвечать всем новым требованиям.

— Здесь мой сын учился, первым директором был мой отец. Когда школа добротная, у детей настроение появляется учиться. У нас 900 учеников, в прошлом году всего две «двойки» по ЕГЭ были, наша девочка 98 баллов по ЕГЭ по русскому языку получила. Мы организовали дополнительные

бесплатные занятия по ЕГЭ по математике, русскому, биологии.

Сейчас открывается образовательный центр «Точка роста» по федеральной программе. В этот проект вошли 168 дагестанских школ, из них 6 из нашего района. Школьников будут учить создавать проекты, технологиям, информатике, шахматам. У них строгие стандарты, дизайн должен быть единым по всей России; ноутбуки, интерактивные доски уже завезли.

В мюрегинской школе тоже устанавливают оборудование для «Точки роста», директор

Казимагомед Арсланалиев рассказывает, что ученики с нетерпением ждут открытия центра:

— Сегодня привезли оборудование на 12 рабочих мест, на ремонт помещения дали 90 тысяч. Будут обучать детей цифровым технологиям, давать практические навыки по проектной деятельности, внедрять кейсы, сами будут писать программу и делать макеты на 3D принтере. У детей большое желание учиться. Преподавать будут учителя информатики, технологий, ОБЖ — их забирают на курсы повышения квалификации на неделю.

У нас единственная школа в Мюрего, сейчас учатся 483 ребёнка; до этого была убыль, сейчас пошёл прирост. Рождаемость в селе растёт, условия, чтобы жить и работать здесь стали лучше, поэтому стали возвращаться в село».

Такой подход к образованию дал результаты — в районе успеваемость составляет 93 % — выше, чем в среднем по Дагестану.

Из всей социальной сферы в Дагестане хуже всего дело обстоит с медициной. Мы уже не раз рассказывали о сараях, в которых вынуждены работать районные поликлиники. Сергокала и тут

стала приятным исключением. Районная больница и поликлиника размещены в капитальном большом советском здании. При подходе к нему видны отличительные признаки Сергокалы — свежий ремонт, аллея заслуженных врачей района, большой сад и абсолютная чистота. Внутри

так же уютно. И.о. главврача **Гаджимурад Гаджиев** рассказывает, что у них достаточно и оборудования, и врачей:

— Мы делаем все виды анализов, УЗИ; новый флюорографический аппарат вчера привезли, рентгенолог сразу будет отправлять по внутренней сети снимки врачу, и диагноз будет ставиться тут же. По программе «Земский доктор» в районе работают 12 человек, свободных мест нет даже в дальних сёлах.

Детские палаты оказались неожиданно нарядными, на стенах расписаны мультяшные персонажи: среди врачей оказались художники, они и рисовали в свободное время. Мамы маленьких пациентов говорят, что дети в восторге.

Теплицы и виноград на смену питомникам

Птичник фермера Багаудина Адзиева в селеции Ванашимахи похож на контактный зоопарк: по большому двору бегают и кричат на разный лад перепёлки, индюки, гуси, утки, курицы разных пород. Рядом в вольере смиренно жуют траву лошадь, бараны и коровы, в клетках на свежем воздухе копошатся кролики. Но зарабатывают здесь не на посетителях, а, как полагается фермеру, на продаже мяса и яиц. А то, что здесь разные виды обитают, так ведь интересно разводить новых птиц, и все соседние районы знают, что у Багаудина можно купить практически любое мясо. В последнее время в основном выращивают перепёлок. Сын фермера Гаджи показывает нам цех, в котором тысячи новорожденных перепёлочек. В следующем цеху они уже почти взрослые, хотя им всего 17 дней:

— Нашему хозяйству — пятый год, оборудование, аппараты для кормления привезли с Украины. Работаем мы с отцом и двое рабочих. Подход отца оправдался, на сергокалинские свадьбы обязательно готовят перепёлок в духовке, салаты только с перепелиными яйцами. Мои дети суп только из перепёлок едят, другой не признают. Если бы был свой инкубатор, выгоднее было бы разводить, а мы суточных цыплят покупаем, дороговато обходится. Но потихонечку затраты окупаются, никуда уезжать не хочу и детям ферму передам, лучше своё иметь, чем где-то вкалывать на дядю.

Большинство сергокалинских фермеров, конечно, выбирают более традиционные культуры. Фермер Омар Омаров с самого начала решил сделать ставку на современные технологии и посадил пока единственный в районе интенсивный сад и виноградники французских сортов:

— Мы посадили интенсивный сад на 4 гектарах. Здесь яблони 8 сортов, все саженцы привезли из Кабардино-Балкарии, к каждому дереву подведено капельное орошение. На сад ушло больше 6 миллионов рублей, государство возвращает 80 % вложенных денег, но сначала нужно вложить свои, потом подготовить целый пакет документов и через какое-то время часть затраченных денег тебе вернут. Но в любом случае он выгоден. По технологии такой сад окупается уже на пятый год, а живёт 15 лет.

В основном у меня виноградники французских сортов на 110 га: каберне совиньон, унибран, мерло.

Они уже плодоносят, мы их сдаём на Дербентский коньячный комбинат. Это привитые саженцы, устойчивые к вредителям и болезням. Один такой саженец 40 рублей стоит, а эти я покупал по 150 рублей, и ухаживать за ними тяжело. Правда, за посадку виноградников, установку шпалер и уход в первый год тоже компенсируется часть затрат, но меньше, чем за сады.

У председателя КФХ «Антоновка» Магомедшарифа Касимова оптимизма гораздо меньше. Его когда-то крупное хозяйство почти разорено:

— Мы с сыном семь лет обеспечивали 5 районов саженцами яблони, черешни, персиков, чернослива по договору с министерством сельского хозяйства. 6 лет назад договоры перестали заключать — и не только со мной, много питомников закрылось. В частном порядке со всего Юждага у меня продолжают покупать саженцы, но мало, раньше 24 тысячи саженцев в год выращивал, сейчас 1000–1500. Сократил сад, выращиваю 16 сортов черешни, 5 сортов груши, чернослив.

Решил выращивать фрукты, посадил абрикосы, но урожай никто не брал, раскорчевал, посадил яблоневоый сад, в этом году яблоки перекупили покупали по 25 рублей — нет смысла. Опять сад вырубил, посадил 4 га черешни, в следующем году даст урожай, не знаю, окупятся ли затраты?

Я уже 15 лет фермер, но никакой помощи от государства не видел. А есть люди, которые брали и субсидии и саженцы, кое-как посадят, не ухаживают, всё высохнет и на следующий год всё заново.

Мои дочь и зять тоже со мной работают, раньше и сын с нами был, потом купил старые тракто-

ра, отремонтировал, принимает заказы на вспашку и нормально зарабатывает.

Старинная вышивка Мюрего

Мюрего — самое большое после райцентра и самое древнее село Сергокалинского района. Естественно, что именно здесь сохранился один из древних и красивых промыслов.

Мастерица Муминат Алибекова встречает нас в доме, похожем на музей. Здесь много старинной посуды, кувшинов, на полах дагестанские ковры и сумахи, мебель «под старину». К нашему приходу она распахнула сундук и выложила своё богатство — старинные платки, вышивки, подушки, украшенные мюрегинской вышивкой. Она не похожа на вышивку соседей — тонкая, яркая, изящная, в изображениях в основном угадываются цветы. Когда-то такие вышивали все мюрегинки:

— Девушка вышивала себе всё приданое: покрывало, ламбрекены, дорожки, «удивих» —

ленту на плечо, чтобы кувшин легче было носить, вот подушки старинные. Когда калым приносили, жениху и родственникам вручали подарки, расшитые невестой. А когда приданое приносили в дом жениха, родственницы и соседки обязательно тщательно рассматривали все вышивки, смотрели, чтобы изнаночная сторона была гладкая, без торчащих ниток: ни одна мюрегинская мастерица нитки не оставит. Вышивали в основном на сукне, по-дагестински «сакала», сейчас его называют кашемир.

Когда на уразу гости приходили, им дарили вот такие кошельки с мюрегинской вышивкой. Но главным были платки, поскольку это был дополнительный доход. Вот этот платок — приданое моей бабушки, этот — маме подарили, когда засватали. Сейчас они дорогие, 60–70 тысяч стоят.

Я 45 лет работала воспитательницей в детсаде, у меня шестеро детей. Когда была ребёнком, у нас все женщины вышивали, я дочкам и невесткам платки вышила и подарила, мама нам тоже дарила. Сейчас редко кто из молодых вышивает. Я не продаю свою работу, дарю детям, внукам, но есть мастерицы, которые вышивают на продажу.

Сундук, где хранятся эти музейные экспонаты, тоже необычный. Сначала я его приняла за старинный деревянный резной сундук. Оказалось, что он железный, кованый в Харбуке, изящные

узоры сделаны из гвоздей, лично я ничего подобного не видела, а я любительница музеев. Сундуку 150 лет, это приданое бабушки Муминат. И он очень тяжёлый: чтобы его поднять, нужно не меньше четырёх мужчин.

Муминат помогает дочка Заира. Она тоже умеет вышивать, но зарабатывает на более прибыльном бизнесе — открыла в Избербаше салон красоты. Заира пытается возродить мюрегинскую вышивку, организовала выставку маминих работ в Дербенте. И свою дочку научила вышивать, чтобы не прерывался род искусных мастериц.

Зайнаб Махдиева — директор Сергокалинского межпоселенческого культурно-досугового центра, мечтает сохранить и сделать популярной мюрегинскую вышивку, как удалось это сделать их соседям кайтагцам. «Наша традиционная вышивка такая красивая, уникальная, техника называется “тамбурный шов”; в Узбекистане тоже так вышивают, но наша отличается: игла за иглой идёт, орнамент другой, в основном цветочный, и цвета другие. Мы решили возродить её, пока мастера остались. В Мюрего пять взрослых вышивальщиц, есть девочки, желающие учиться. Сейчас в Дагестане развивается туризм, если научить детей, они смогут изготавливать сувениры».

Современную культуру здесь тоже любят. Сейчас мюрегинский Дом культуры — лучший в районе. Зайнаб пригласила нас туда, где дети пели, играли на баяне. В холле стояли столики с шахматами и шашками:

— Здесь в этом году сделали капитальный ремонт, поменяли крышу, окна, работают 12 кружков: хореография, танцы, вокал и др., библиотека, здесь мы проводим районные мероприятия, в ежегодном конкурсе «Семья Дагестана» 120 участников.

Без шюре стол пуст

Фарида и Али Омаршаевы в 2012 году построили первый в районе банкетный зал с романтическим названием «Венера». Так как до этого несколько лет работали в Москве, всё было сделано по последней столичной моде: нарядно, много цветов, золота, красивый проход для жениха и невесты. Сейчас в селе уже шесть залов, но тогда люди с нетерпением ждали, когда смогут праздновать свадьбы по-современному.

Мечты сбываются

Фарида Омаршаева вспоминает:

— Даже когда только начали стройку, люди подходили, радовались, бронировали зал. Мы не жалеем, что построили, столько радости приносим людям, ведь создаются семьи. Свадеб сыграли много, потом другие начали строить залы. Но у нас удобнее — без столбов, все видят и жениха с невестой и танцующих.

Приятный бизнес, но тяжёлый, нестабильный, люди капризные. Много свадеб с августа по октябрь. Совсем не играют во время уразы, что естественно, и, к нашему удивлению, в мае. Странное суеверие.

Я разницы между махачкалинской свадьбой и нашей не вижу, единственная особенность — у нас всегда на столах обычное картофельное пюре, если не подать, люди возмущаются: «Даже пюре на свадьбе не было». Недавно одна из невест пришла в национальном наряде, а так, конечно, девушки предпочитают белые платья.

Повара и официанток заказчики могут любых нанять, хотя мы своих предлагаем. На свадьбах всегда работают только женщины; правда, два раза мужчины шеф-поварами работали, один из Каспийска был, очень понравился: вкуснее наших готовил, и очень чистоплотный.

Президент России постоянно говорит о поддержке малого бизнеса. Правда, никакой помощи я не вижу, только прижимают со всех сторон. Но муж всё равно хочет летний зал сбоку пристроить, чтобы люди на свежем воздухе сидели

Магомед Омаров впервые был избран главой Сергокалинского района в октябре 2010 года. Он здесь родился и вырос, здесь начал карьеру. Когда страна изменилась, переехал в Махачкалу, стал преуспевающим банкиром, депутатом Народного Собрания РД. Решение вернуться было неожиданным для семьи: жена, хотя тоже здешняя, и девять сыновей не хотели переезжать из Махачкалы в село. Спутница жизни скоро переехала к мужу, сыновья учатся и работают по всей стране. Что получилось сделать за 9 лет?

— Я мечтал, чтобы район процветал, чтобы везде была вода, новые дороги, школы, газификация, электрификация. Рад, что почти всё получилось. В Сергокале 160 машин водовозов ездили по селу, сейчас есть вода, хоть подаётся по графику. Райцентр полностью заасфальтирован, уложили дороги Первомайск–Сергокала, Сергокала–Леваши, сейчас от Ванашимахи до Мургука идут работы. Заасфальтированы дороги из райцентра до Кадиркента, Краснопартизанска, Мюрего, в этом году начнём прокладку 9 км из Губдена до Сергокалы, в следующем — займёмся внутрисельскими улицами в других сёлах.

Мы в числе трёх приоритетных районов республики по электрификации: идёт полный ремонт электрических сетей. Когда я стал главой, газ был в 7 сёлах, сейчас в 19. В кичигамринской, мулебкинской зоне провели основной подводящий газопровод, уже до 2022 года в каждом селе будет газ.

До конца года по республиканской инвестиционной программе достроят групповой водопровод Бурдеки–Кичигамри–Сергокала, протяжённостью 28 км, 15 тысяч человек получают воду. Это старый проект, но сколько лет я ходил насчёт этого водовода, никогда ни один глава рубль не давал. Поэтому мне и нравится подход главы Дагестана Владимира Васильева: он все старые, «засахарившиеся» объекты, которым по 15–20 лет, поднимает, и, если видно, что они улучшат жизнь хоть нескольких тысяч людей, даёт им ход.

За 9 лет моей работы население района выросло с 27,5 до 35 тысяч. Сергокала в два раза больше выросла — до 12 тысяч человек. Рождаемость увеличилась, смертность уменьшилась, естественный прирост — 350, это много; оттока нет, наборот — 7,5 тысяч человек вернулись. Молодёжь оканчивает школу, едет за высшим образованием, возвращаются уже взрослые сознательные люди, ремонтируют родительские дома.

Люди живут за счёт бюджетной работы, малого бизнеса и подсобных хозяйств. У нас выращивают зерно, виноград, фрукты, разводят коров и баранов, есть теплицы и птичники. Самый большой доход даёт виноградарство: в районе 1400 га виноградников. Более перспективными стали технические сорта, их сдаём на Кизлярский и Дербентский коньячные заводы. Закупочная цена маленькая, но государство обещает вернуть 2 рубля с килограмма.

В районе сохранили 14 СПК, бывшие колхозы, один ГУП «Красный Октябрь», все нормально работают, платят и зарплату, и налоги. Но

желающих работать на сторону очень мало, молодёжь хочет работать на себя. Развиваем современные аграрные технологии, в районе 123 га интенсивных садов. Традиционные плодовые сады в любом случае всегда выгодны, можно сохранить урожай до следующего сезона, если построить хранилища, логистические центры.

За время моего руководства сбор налогов вырос с 12 до 88 миллионов рублей. Четыре года подряд мы занимали первое место по предгорной зоне. По моим подсчётам, через 3 года Сергокалинский будет самым лучшим районом республики.

Мой рассказ из Сергокалинского района получился удивительно — даже для меня — оптимистичным. Мне там действительно очень понравились и земля, и люди, и любимые древности. Я была здесь последний раз лет 15 назад, было обычное дагестанское большое село, сейчас — цивилизованный посёлок европейского типа. Конечно, это не означает, что здесь всё прекрасно. Есть очень серьёзные проблемы во всех отраслях экономики, социальной сферы. Люди про это говорили, я их внимательно слушала, но это совсем не вопросы именно Сергокалинского района, а общероссийские, про которые мы тоже неоднократно писали, поэтому я решила в этой статье к ним не возвращаться. Но если во многих районах жизнь остановилась после того, как рухнуло социальное государство, и проходит в сетованьях о том, что «никто

нас не любит и не помогает», соседние районы процветают.

И тут всё зависит от людей и от руководителя. Сейчас другой принцип построения экономики и социальной жизни — «проектный». Есть очень много федеральных и республиканских программ, куда можно подавать самые разнообразные проекты и получать финансирование, что удачно делают здесь в районе. Это может нравиться, может не нравиться. Но или ты подстраиваешься под новые требования, или остаёшься ни с чем. Или застраиваешь каждый участок земли или стараешься сделать доверенную тебе территорию образцовой.

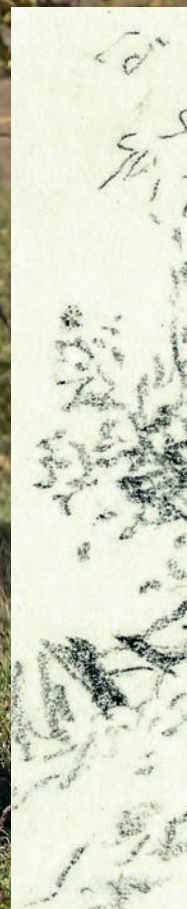
Сергокалинский район — место, где люди сами строят себе красивую жизнь, не тратя её на ожидание «лучших времён». И, главное, у них получается.

Пленэр

РАСПРАВИТЬ

Влада Бесараб

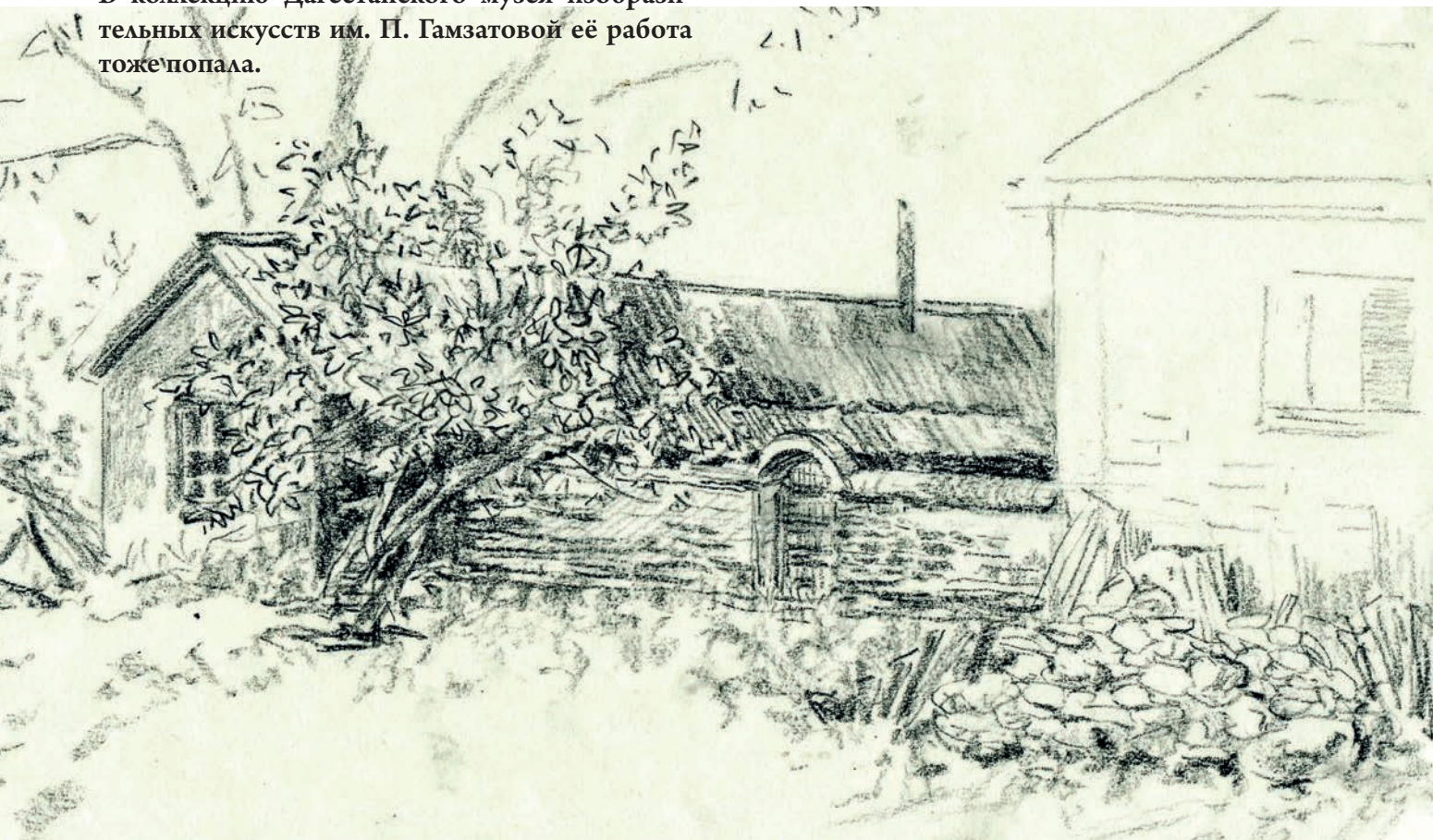
КРЫЛЬЯ

Ася Исрапилова — девушка тихая, молчаливая, скромная, такой, знаете, полевой цветочек, красоту которого (в данном случае — талант) нужно суметь разглядеть. А когда разглядишь, только и остаётся удивляться — как можно было такое чудо не заметить!

После окончания Дагестанского художественного училища, где она училась на отделении дизайна костюма у самой Анны Борисовны Джетере, Ася поступила на художественно-графический факультет ДГПУ. Целенаправленно — именно в мастерскую графики. Знала, что будет трудно, но была настроена решительно. Ей и у Джетере было нелегко: Анна Борисовна скидок на отсутствие начального художественного образования никому не делала, а замечания порой высказывала очень резко.

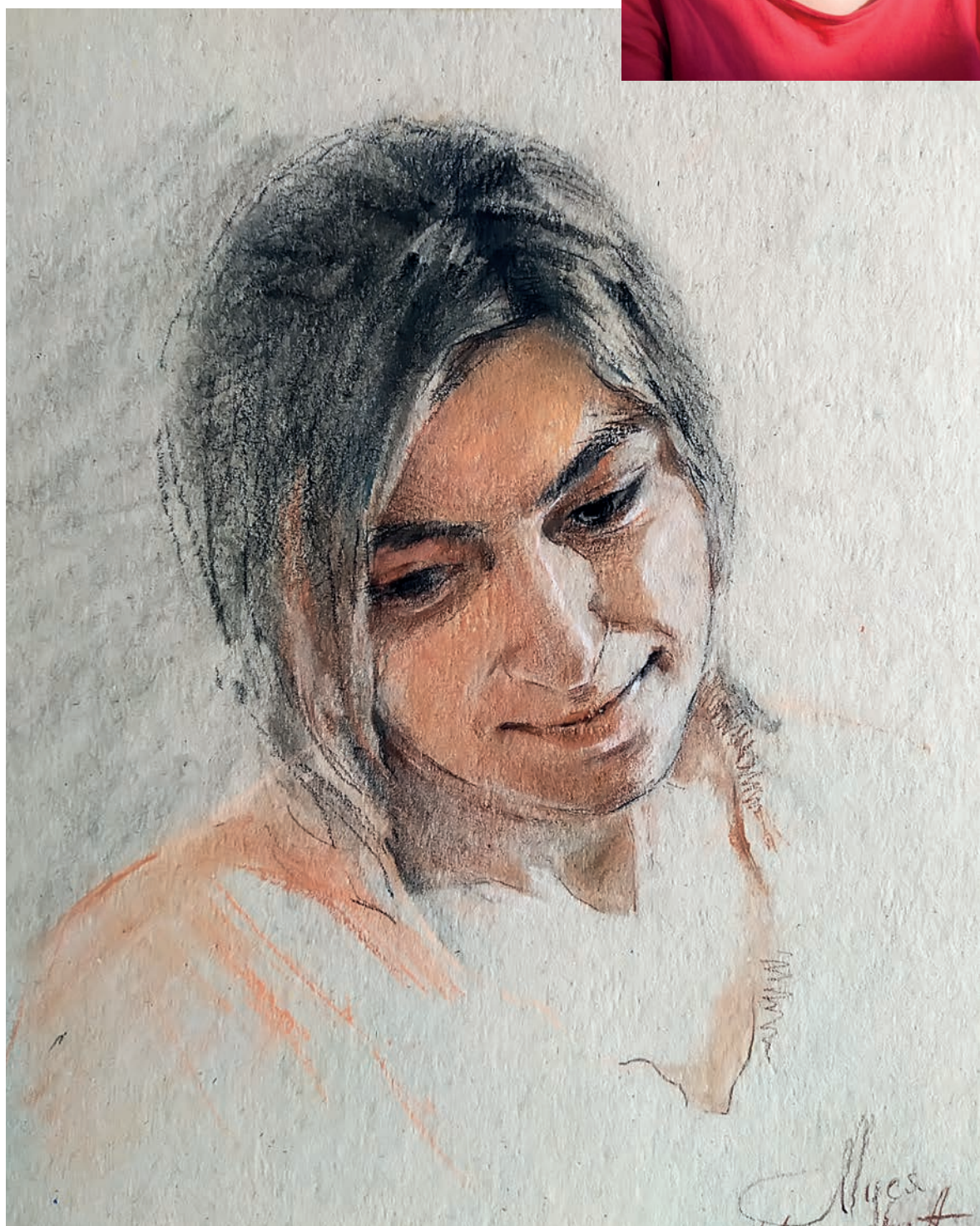
На худграфе Ася раскрылась примерно год назад, на 3 курсе, как-то вдруг неожиданно (в первую очередь для неё самой): Всемирный конгресс экслибриса в Праге, международные конкурсы экслибриса в Болгарии и в Москве. А после Международной биеннале печатной графики в Китае Китайский музей печати приобрел её линогравюру «Могох» в числе других произведений молодых дагестанских графиков. В коллекцию Дагестанского музея изобразительных искусств им. П. Гамзатовой её работа тоже попала.

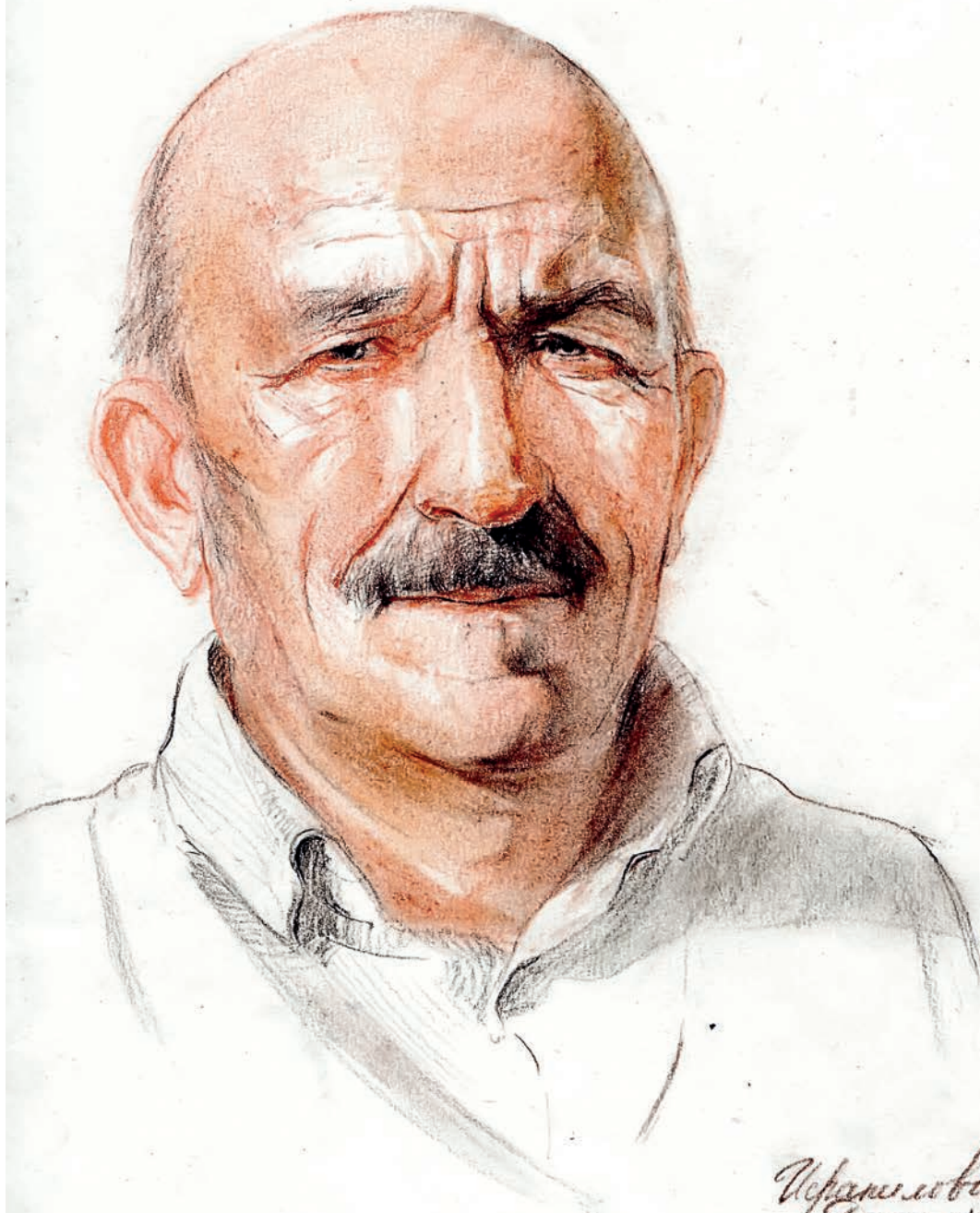

«С самого первого курса в мастерской стояла по-особенному дружелюбная и творческая атмосфера. Девочки-старшекурсницы, которые создавали уют вокруг даже в мелочах, помогали советом. Мальчики, которые в любое время готовы помочь с печатью. Я человек очень застенчивый, и эта чрезмерная доброта вызывала у меня чувство неловкости... Эта обстановка, атмосфера — заслуга Юсупа Мамаевича (Ханмагомедова. — *Ред.*) в первую очередь. Мастерская одна, а поступающих на отделение графики всё больше. Тем не менее, он находит подход к каждому студенту и можно сказать видит насквозь каждого. А что действительно мотивирует, так это наблюдать за процессом работы Юсупа Мамаевича с весёлыми комментариями. Признаться, люблю это время перед самым просмотром, когда процесс всецело поглощает. И кто сказал, что шесть лет обучения — это много!»

Сейчас Исрапилова на 4 курсе, впереди ещё больше двух лет учебы — пленэры, просмотры, выставки, дипломная работа. Пока легче работать с натуры, но воображение уже включилось, уже работает. Планов много, хочется экспериментировать с материалами, формами, техниками. Она ещё не взлетела, но поверила в себя и осторожно расправляет крылья.

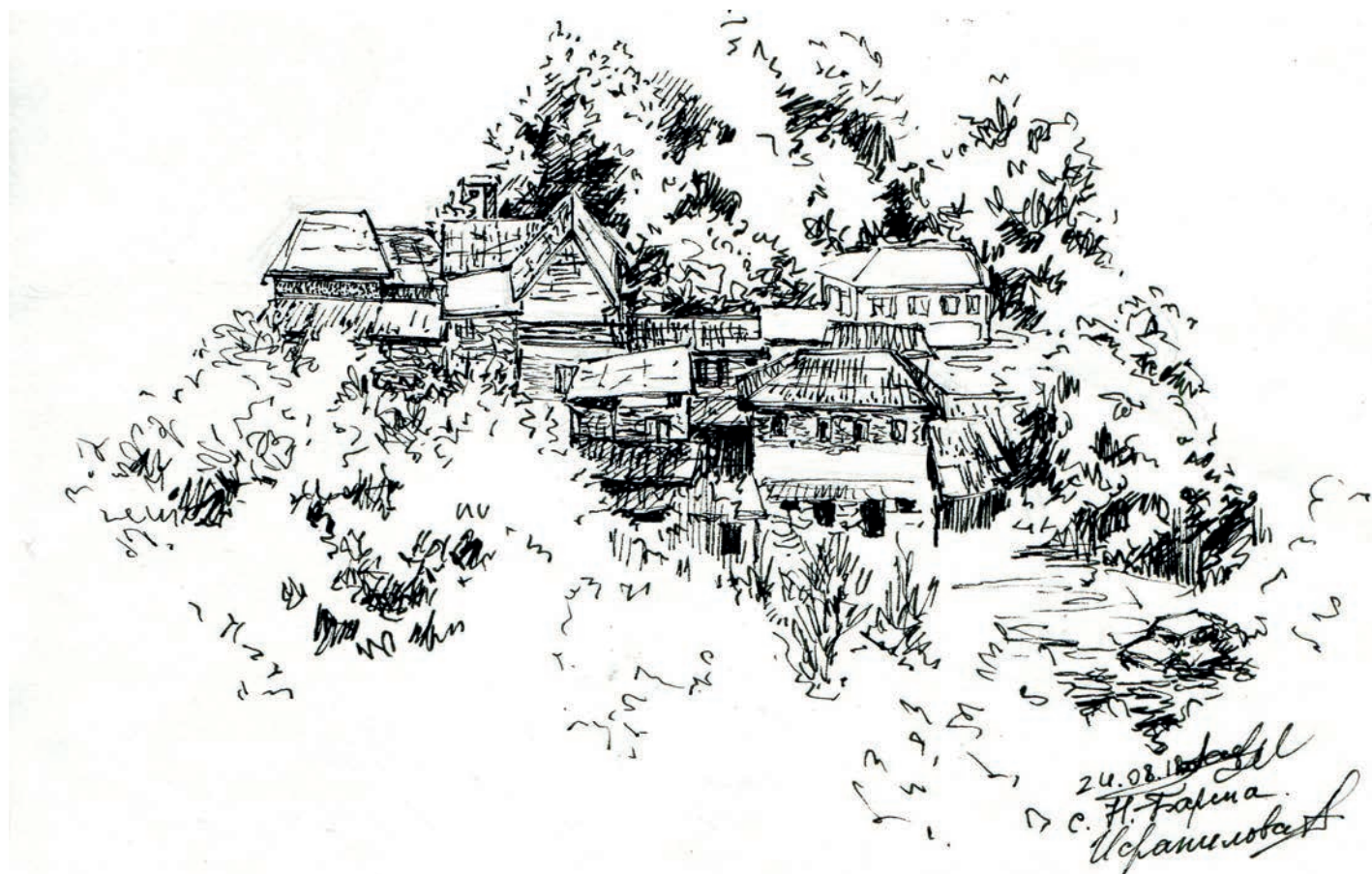
Уникальная графика удаётся Исрапиловой не хуже печатной. Особенно портреты. В «Портрете сестры» в образе нашей современницы проскальзывают какие-то едва уловимые мягкость и кротость, присущие работам старых мастеров. А «Портрет дедушки» — это собирательный образ истинного дагестанца. Не хрестоматийного горца, который, кажется, только в хрестоматиях всегда и существовал, а живого человека, чья биография неотделима от истории его родного аула и страны.

Салих Салихович Омаров — отличник народного просвещения РСФСР, заслуженный учитель Республики Дагестан. Вот уже 57 лет он работает учителем (также был завучем и директором — более 30 лет) в селе Новая Барша Кайтагского района. Село это небольшое и относительно молодое: было образовано в середине 60-х годов прошлого века выходцами из сёл Барша, Ургага, Бартуга, Шиланша и Турага (здесь и далее использованы сведения из книги М. Шахбанова и А. Шахбанова «Новобаршинцы». — Ред.). Климат здесь, как и везде в предгорьях, довольно мягкий, земля плодородная, до райцентра недалеко. А что величест-

венных гор вокруг не наблюдается, так хороший художник за экзотическими видами не гонится, была бы натура, а уж придать ей живописность — дело техники. С последнего пленэра Ася привезла ворох набросков, некоторые из которых со временем превратятся в офорты. Главная удача — портрет дедушки. Это уже не студенческая студия, а законченное произведение.

Дедушка Салих терпеливо позировал внучке и для фото, и для самого портрета. А вот бабушка Бике никак не соглашалась. У неё то живность, то огород, то домашние хлопоты. Ася с трудом уловила минутку, чтобы сделать быстрые зарисовки.

Супруги Омаровы воспитали и, как говорят, «вывели в люди» 10 детей. Сейчас глава семьи построил новый благоустроенный дом, а старый, возведённый молодым учителем полвека назад, стоит рядом как напоминание о прошлой жизни. «Он такой маленький, как только все помещались!» — удивляется Ася.

Она родилась в селе и, несмотря на многочисленные переезды, проводила здесь много времени, хорошо помнит и старый дом, и сельскую жизнь. Хрупкую городскую девочку никогда особенно не загружали хлопотами по хозяйству, и даже поход к роднику в детстве был для неё развлечением: нужно было идти далеко, спускаться по скользкой тропинке мимо гусей, которые так и норовили ущипнуть. Спрашиваю: «А что они думают по поводу того, что внучка решила стать художником? И ладно бы остановилась на дизайне костюма, модельер — ведь какая замечательная женская профессия! А то какой-то графикой заня-

лась!» Ася признаётся, что не знает, как на самом деле родные относятся к её выбору, но благодарна им за то, что они его уважают: не запрещают, не мешают, не изводят упрёками.

Это действительно дорогого стоит. Наверное, Салих Салихович, будучи педагогом по призванию, как никто другой понимает, как важно дать человеку возможность учиться. Его собственный путь к знаниям был тернист и долог. После окончания средней школы он поступил в Сергокалинское педагогическое училище, но учиться не смог — стипендию ему не назначили, а родные содержать студента не могли. Тогда юноша уехал на заработки в Туркмению, год работал грузчиком, накопил денег и, вернувшись, поступил в училище снова. Это было в 1959 году. А высшее образование он получал уже будучи не только педагогом со стажем, но и многодетным отцом — в 1972 году он окончил исторический факультет ДГУ.

У родника раньше всегда было многолюдно — женщины переговаривались, дети играли. Сейчас в селе гораздо меньше людей, чем во времена Асиного детства, да и у всех давно резервуары, водопровод. Родника нет. Но школа есть! Учителя сеют разумное и доброе, ворчат, проводят воспитательные беседы. Ученики ленятся, шалят, грызут гранит науки. Мечтают. Живёт село Новая Барша. И Ася Ибрапилова — его художник.

Бренд

Андрей Меламедов

ДЕЛО О СТА МИЛЛИОНАХ

В начале ноября в Крыму прошёл I Международный винный конкурс имени Льва Голицына, приуроченный к 125-летию винодельческого предприятия «Массандра». На нём лучшим ликёрным вином России 2019 года признано «Кизлярское десертное» урожая 1979 года предприятия «Виски России» (бывший винсовхоз «Кизлярский»). Оно набрало 93,6 балла из 100 и завоевало Гран-при.

Помимо «Кизлярского десертного», предприятие направило на конкурс пять своих вин, одно из которых — «Терское десертное» — также получило Гран-при и большую золотую медаль, ещё три получили золото, а одно — серебро.

О том, как удалось спасти и возродить старые вина Кизяра, а заодно о дагестанском скотче и бурбоне наш корреспондент поговорил с главным инженером-виноделом ООО «НПП «Виски России» Арсланом Ганиевым.

— Арслан, накануне конкурса, который должен был доказать, что у крымских вин в России серьёзных конкурентов нет, никто не сомневался в том, что лучшим ликёрным вином страны будет признан знаменитый «Мускат белый Красного Камня», выпускаемый в Массандре.

— Я тоже не сомневался в этом. Был уверен, что крымчане станут победителями во всех номинациях. А главным бенефициантом по определению окажется «Массандра». Мы даже не поехали на конкурс, отправили вина с делегацией нашего Минсельхоза. Поэтому когда Алибеку Иразиханову (это создатель и директор нашего предприятия) и мне позвонили и сказали, что наши вина на конкурсе произвели фурор, вызвав восторг у признанных международных экспертов, мы были приятно удивлены.

Хотя, по большому счету, всё закономерно — за время существования винсовхоза «Кизлярский» мы не раз и не два побеждали крымчан на конкурсах и дегустациях. Ещё в советские годы наши вина получили несколько Гран-при на престижных международных конкурсах, а также свыше 40 золотых и серебряных медалей. А поскольку мы, хоть и не без труда, но сумели сохранить лучшие традиции знаменитых кизлярских виноделов, за последние годы наша медальная коллекция увеличилась более чем в полтора раза.

— Честно говоря, в 90-х годах я был абсолютно уверен, что винсовхоз «Кизлярский», несмотря на свою славную историю, перестройку не переживёт. Видел, как зарастали камышом и шли под распашку бывшие виноградники хозяйства, как разбирали на строительный камень стену вокруг винзавода.

— Скорее всего, так бы и случилось. Стену разобрали, по территории винзавода бродил скот, нас осталось всего три-четыре человека. Нам повезло, что на винзавод пришёл со своей командой бывший главный инженер Дербентского коньячного комбината Алибек Иразиханов. Особых денег у компаньонов не было, зато было огромное желание спасти знаменитый винзавод и продолжить выпуск элитных вин Кизляра. На фоне поиска денег Иразиханову пришла в голову идея организовать на предприятии производство нового для Рос-

сии, но при этом самого популярного в мире крепкого алкогольного напитка. Именно тогда он и зарегистрировал предприятие «Виски России», решив стать первым в стране производителем виски.

— Лет десять назад я брал интервью у Иразиханова. По его словам, организовать производство виски оказалось намного проще, чем получить разрешение на выпуск этого напитка в России.

— Всё правильно. Российская бюрократия иногда представляется мне стеной, которую не всяким снарядом пробить можно. Повезло, что Алибек в своё время защитил диссертацию по коньячным спиртам, имел хорошие связи в научных кругах. Он обратился за помощью к академику Льву Оганесяну — директору НИИ винодельческой, пивоваренной и безалкогольной продукции. Вместе с работниками НИИ Алибек разработал и утвердил технические условия на производство виски, что позволило легализовать производство этого напитка в стране. После этого мы сразу же занялись закладкой спиртов и работой по созданию собственных марок виски.

Перед этим мы, конечно, изучали опыт других стран (виски сегодня выпускают практически во всём мире), пытаюсь понять, как сказываются на вкусовых качествах напитка климат, качество исходного сырья, условия выдержки, породы дуба, из которого сделаны бочки. Потом была долгая и кропотливая работа по созданию собственных купажей, в результате которой мы разработали три линейки продукта — «Виски кизлярское зерновое», «Виски кизлярское купажированное» и, наконец, «Виски кизлярское солодовое». В 2007 году повезли их на форум виноделов в Краснодар, где они получили очень высокую оценку специалистов. Именно тогда мы убедили всех сомневающихся в том, что сможем производить продукт достаточно высокого качества.

— Вы выпускаете три вида виски?

— Четыре. Чуть позже мы разработали собственный бурбон на основе висковых дистиллятов из кукурузы, с добавлением выдержанных дистиллятов из ржи. Этот напиток полностью готов к выходу на рынок, но у него пока нет названия.

— Сырьё используете местное?

— В основном да. Но часть высококачественного солода закупаем в Шотландии, поскольку это очень благотворно сказывается на качестве виски.

— Что труднее производить: виски или коньяк?

— Безусловно, виски. Производство коньяка в России имеет долгую историю. Каждый этап производства тщательно расписан и разобран буквально по косточкам. Существует множество ТУ, ГОСТов. С виски всё сложнее. Это очень интересный напиток. С одной стороны — самый популярный в мире, с другой — чуть ли не самый засекреченный. Нет ни описаний технологического процесса, ни рецептуры. Поэтому нам пришлось начинать буквально с чистого листа. На пути к первому «висковому» золоту на международном конкурсе нам пришлось создать не одну сотню пробных купажей.

— Вы сказали, первое «золото». Можно предположить, что было и второе?

— И третье тоже, и даже четвёртое. Первую медаль в 2009 году завоевал виски солодовый

«Кизлярский». Тогда у него не было названия, оно появилось позже. Сегодня этот виски выпускается под брендом «Пех». С английского это переводится как козерог, тур. Помните, в советское время гордый профиль дагестанского тура был эмблемой объединения «Дагвино». Мы подумали, что будет правильным отдать дань традициям. Тем более что традиции у «Дагвино» были замечательные.

В 2014 году золотую медаль получил наш купажируемый виски. Следующее золото мы заработали в 2015 году, когда лучшим напитком был признан наш купажируемый виски «Black Corsair». И, наконец, в 2018 году четвёртое золото получил наш солодовый «Пех».

— Понятно, что вы лицо заинтересованное. Тем не менее, спрошу. Как вы считаете, какое место сегодня дагестанские виски занимают в мировой табели о рангах. Вы в конце списка? В середине? Или, может быть, в начале?

— Я точно лицо заинтересованное. Но для того, чтобы развиваться и двигаться вперёд, необходимо точно знать свои сегодняшние «координаты на местности». Начало списка сегодня — это пока наша хрустальная мечта. Мы, скорее, середняки, и это, на мой взгляд, серьёзное достижение, поскольку, как я уже сказал, виски выпускают во всём мире. Вскоре после боя Хабиба Нурмагомедова с Конором Мак Грегором известный московский блогер Юрий Богоносцев, ведущий свой висковый сайт, предложил нам провести дегустацию под названием «Поединок» на площадке торгового дома «Массандра». В дегустации помимо нас участвовали всемирно известные «легковесы» (виски 3–5-летней выдержки) из Ирландии и Шотландии. Так вот мы в итоге оказались примерно в середине очень солидного списка.

— **Очень достойно.**

— Тем не менее, мы уверены, что наш потенциал реализован далеко не полностью. Ведь мы по существу в самом начале пути. При этом надо учитывать очень важный факт: все наши сегодняшние и завтрашние победы — это победы не только кизлярского, но и российского виски в целом. Мы же не случайно называемся ООО «НПП «Виски России». Смотрите. Мы пионеры вискового производства в стране, именно благодаря нам у виски появилась российская прописка. Это, во-первых. Во-вторых, мы по сей день остаёмся единственным в России предприятием полного цикла — от приёмки и переработки сырья до выпуска готовой продукции. Больше того. Мы полностью перерабатываем все отходы производства на корм скоту и удобрения.

Кроме того у нас имеются козыри, которых по определению нет у наших конкурентов. Это, в-третьих. Я имею в виду наши уникальные вина, которые, как показал недавний конкурс имени Голицына, и сегодня являются одними из лучших в стране.

— **А при чём тут вина?**

— Марочные вина мы выдерживаем в дубовых бочках. Которые впоследствии предпола-

гаем использовать для комбинированной выдержки виски. Это мировая практика. Сначала висковый дистиллят выдерживают в бочках из обожжённого дуба, а затем «доводят» до нужной кондиции в бочках из-под хереса. Помимо хереса мы производим мадеру и другие десертные вина, тара из-под которых идеально подходит для комбинированной выдержки виски. Так что потенциал у нас поистине огромный, использовать его будем обязательно. Без этого в начало списка не попасть. За нами Россия, и это обязывает.

— **Судя по результатам конкурса в Массандре, производство виски помогло вам сохранить славные традиции виноделия. В последние годы старые вина Кизляра вновь вернулись на российские прилавки.**

— Да, вы правы, прибыли, хоть и не такие большие, как хотелось бы, позволяют нам не только держаться на плаву, но и потихоньку двигаться вперёд. На днях, к примеру, мы завершили строительство нового цеха выдержки коньячного дистиллята на 150 тысяч декалитров, там уже установлено необходимое оборудование.

— **Много виски продаёте?**

— Около миллиона бутылок в год. Ближайший ориентир — 3 миллиона.

— **Виноградниками своими пока не обзавелись?**

— Своих земель у нас нет. Но мы взяли в аренду виноградники в Карабудахкентском районе, это наша главная сырьевая база. Правда, этого винограда уже не хватает, и поэтому мы покупаем дагестанский виноград у ГУПов, фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей. Так что все свои вина и коньяки производим из местного винограда, без использования «левых» виноматериалов.

— **Самый главный на сегодня вопрос: сколько налогов платит ежегодно «Виски России»?**

— Примерно 200 миллионов рублей. Хотя могли бы и больше, миллионов на 100. В 2016 году, к примеру, мы заплатили 300 миллионов рублей.

— **Простите, не очень понял. Владимир Васильев считает главной проблемой республики низкий уровень налоговых платежей. Работа чиновников оценивается в первую**

очередь по тому, насколько они преуспели в деле увеличения налоговых сборов. И при этом вы абсолютно спокойно говорите о том, что ежегодно недоплачиваете примерно 100 миллионов рублей.

— Попытаюсь объяснить. Помимо виски и вин, мы производим коньяки высокого качества, весьма востребованные рынком. Ещё на первом этапе нашей работы мы смогли закупить достаточное количество высококачественных коньячных спиртов. В Молдавии, Грузии, Франции. Чуть позже наладили у себя производство собственных высококачественных спиртов. На этой основе мы организовали производство четырёх видов коньяка, которые очень успешно вписались в рынок. Именно продажи коньяка помогли нам без кредитов и займов наладить производство виски и возродить производство наших знаменитых вин.

Сегодня же продажи нашего коньяка значительно упали. Самое смешное, что происходит это на фоне постоянного роста портфеля заказов. Рынок хочет покупать наш коньяк, а мы его продавать не можем.

— Почему?

— Сложный вопрос. Для ответа на него я должен немного отвлечься и рассказать о том, как работает патентная система России. Каждый производитель товара имеет право запатентовать свою торговую марку, после чего ни один

из конкурентов данный товар выпускать не может. Известные примеры — конфеты «Мишка на Севере», «Белочка». Или, если говорить о нашей отрасли, запатентованными брендами являются коньяки «Багратион», «Лезгинка», «Нарын-Кала». К слову, в создании «Нарын-Калы» принимал непосредственное участие наш руководитель Алибек Иразиханов.

Я сейчас говорю о разделе патентования, известном многим. Но есть и другие, о которых знают только узкие специалисты. К примеру, производитель имеет право запатентовать НМПТ (наименование места происхождения товара). В отличие от патента на товарную марку он считается открытым, поскольку любой другой производитель, работающий в данной местности или, правильнее сказать,

географической территории, и выпускающий аналогичный товар, обладающий теми же характеристиками, имеет право использовать НМПТ вместе с его правообладателем.

Вот что говорит об этом российское законодательство. Согласно Гражданскому кодексу РФ, а также Постановлению Правительства РФ от 17.09.2004 г. № 481 «исключительное право использования НМПТ в отношении того же наименования может быть предоставлено любому лицу, которое в границах того же географического объекта производит товар, обладающий теми же особыми свойствами».

— **Какое отношение всё это имеет к нашему разговору о налогах?**

— Сейчас объясню. Отношение самое прямое, на самом деле. Некоторое время назад наш ближайший сосед — Кизлярский коньячный завод — зарегистрировал НМПТ «Кизляр» для коньяков. И наши лидеры продаж, коньяки «Дары Кизяра» и «Старый Кизляр» оказались вне закона, поскольку слово «Кизляр» мы использовать не имеем права.

— **Но вы же сами сказали, что российское законодательство позволяет вам присоединиться к этому НМПТ. Вы выпускаете аналогичную продукцию, расположены рядом с Кизлярским коньячным заводом. Какое, кстати, расстояние между вашими предприятиями?**

— Километра три-четыре. Мы действительно имеем право присоединиться. Для этого, согласно действующему законодательству, достаточно подготовить два заключения — профильного НИИ и уполномоченного органа. В нашем случае это Росалкогольрегулирование (РАР). Но если с первым заключением никаких проблем у нас не возникло, второе долгое время мы получить не можем. РАР раз за разом под надуманными предлогами тормозит выдачу необходимого нам документа. И именно поэтому мы регулярно недоплачиваем в республиканский бюджет более 100 миллионов рублей.

— **И что вы намерены предпринять?**

— Честно говоря, на каком-то этапе мы опустили руки, подумав о том, что плетью обуха не перешибёшь. Но потом увидели,

какое значение Владимир Васильев придаёт увеличению налоговых сборов, как борется за каждый дополнительный налоговый рубль. В общем, мы решили обратиться к нему за помощью. По большому счёту, это наша последняя надежда. Мы уверены, что громадный политический и административный ресурс руководителя Дагестана позволит ему легко убедить руководство РАР удовлетворить наши законные требования. В конце концов, речь ведь идёт о более чем 100 миллионах дополнительных бюджетных рублей. Я уже не говорю о таких мелочах, как увеличение объёмов производства на 30–40 % и создание дополнительных 30, причём квалифицированных, рабочих мест.

Мы продолжаем наш «Культурный портрет» — совместный проект редакции и галереи современного искусства «Первая галерея». Автор и куратор проекта — Джамия Дагирова.

Патимат Гусейнова: «Я ПОШЛА НА БОКС ПОТОМУ, ЧТО РВУТСЯ ХОЛСТЫ!»

Что я знаю о ней? Ну, например, она охотно смеётся, даже если шутка совсем простая. Когда рассказывает что-то, жестикулирует, размахивает руками. Носит брошки с этническими мотивами. Очень прикольно одевается, будто над её стилем работают специальные люди. В момент загорается любой стоящей идеей. От неё можно подзарядиться, если совсем не осталось сил.

И ещё она художник.

Это была работа из серии «Я облажалась»

Это случилось в Турции, на международном арт-симпозиуме. Она уже бывала на таких — не новичок. Не маленькая Патя — девочка из села Арчо, обмиравшая от красоты мира и не умеющая пока рассказать о нём, не студентка художественного училища, а потом и института, а уже настоящий художник Патимат Гусейнова. Со своим узнаваемым голосом, своей манерой и темами, художник, не робеющий даже в присутствии арт-монстров. Наоборот, это необъявленное сопер-

ничество обычно её заводило, подзадоривало. Но не в этот раз...

Патя стояла перед холстом и разглядывала практически готовую работу. Всё было контрастно, фактурно, много цвета, и «археологический лев» — центральная фигура на полотне — должен был по задумке сыграть свою роль, проявить себя как царь. Как Главный. Но что-то не срослось. «Я смотрела на работу и понимала, что она должна называться „Мой позор“. Лев был просто лажовый. Много „разговаривал“», — рассказывала она потом.

А тогда, в Турции, слова ещё не пришли, просто чувствовала: всё не так, не то. И тогда она протянула

руку, взяла кисть, окунула в краску и, не давая себе шанса передумать, закрасила цветное чёрным. До открытия выставки оставалось меньше суток.

Она так поступает, сколько себя помнит. Выкладывается вся, может работать сутками. А потом отступает на шаг, смотрит. Окликает работу: «Ты та самая?» И если та не откликается ликующим «да!», звучащим в каждой линии, в каждом сочетании цветов, Патя её безжалостно закрашивает. Поначалу пыталась писать поверх, исправлять. Но уже написанное пробивалось, мешало руке и глазу. Или там вдруг звучали другие художники — неявно для других, но очевидно для нее самой. Тогда она стала закрашивать. Или шла и сжигала. Огонь стирает всю информацию, так она говорит.

— Я же не ищу результат, мне нравится быть в процессе, жить в нём. Очень часто на тех же воркшопах, если чувствую, что не получила, чего ждала, в конце закрашиваю холст чёрным. Коллеги шутят «пришла к Малевичу?» Нет, просто обнулила всё. Я чувствую, что могу это сделать, но просто не сумела сейчас.

Но в Турции был не воркшоп. Она сидела и смотрела перед собой. Думала: «так, я считала, что всех порву, а в результате порвали меня». Времени на новый рывок не было, сил не было, надежды тоже, ничего не было, только она и чёрный прямоугольник холста перед ней — как символ её провала.

«Хей! — сказал кто-то рядом. — В чём дело? Я тебя впервые такую замороженную вижу». Это подошёл художник из Голландии, они встречались раньше на других симпозиумах, и он видел, как она работает, знал, как она умеет. А она не сумела ответить, просто развела руками, мол, сама не знаю, что со мной, не могу и всё.

— И тут он говорит: давай мне самую широкую кисть и скажи, какой цвет ты меньше всего любишь. Я дала ему изумрудную краску, которую терпеть не могу, и широкую кисть. Он отвернулся от работы и вот так, стоя спиной, закрасил. Намалевал огромную зелёную кляксу. Вот, — говорит, — теперь танцуй. Он вообще гений, конечно. Но в тот момент я об этом совсем не помнила. Кричу ему: ты убил моё искусство!

Он улыбнулся, пожал плечами и ушёл. А она сидела и размышляла, что вот оно дно, и терять больше нечего, но это совсем не страшно, если вдуматься. Пожила немножко с этой мыслью, огляделась и поняла, что потихоньку выравнивается настроение. Будто сидела в погребу, а теперь

крышку открыли. И вообще, все вокруг работают и как-то скучно сидеть без дела. Тогда она взяла наждачку и стала тереть.

— И вылезла такая штука... Что-то вроде энкаустики. Это такая техника рисования, но там обычно нужен воск. А я без него обошлась. И получилась такая сложная работа, будто она там всегда была, просто пряталась. Мне достаточно было увидеть её краешек, чтоб понять, какой она должна быть и как я её закончу.

И незадавшаяся поначалу работа с «разговорчивым» львом получилась классной. Такой классной, что сама Патя называет её одной из лучших вещей того периода.

Как правильно мучить бумагу

Надо сказать, что похожая история, с поначалу загубленной и чудом спасённой, точнее заново рождённой, картиной уже была. Тогда Патимат работала над циклом «Слой». В мастерской было сыро, холодно. Вообще-то она неприхотлива, к тепличным условиям не привыкла, но в какой-то момент поняла, что продрогла до костей и думает об этом больше, чем о работе.

— Уже пошли фактурные какие-то связи, но я совсем заледенела, остановила процесс, включила отопление и ушла. Прихожу на следующий день, гляжу, а там всё растрескалось. Ахнула — ну всё! Конец. Всё пропало! А потом думаю: а что, так даже прикольное. В принципе, я могла сделать эти кракелюры и сама, но так хорошо и по-настоящему не вышло бы. В общем, я взялась работать, учитывая эти трещинки, и всё пошло правильно. Я бываю очень благодарна тем, кто умеет увидеть в моих работах что-то, что я и назвать не умею. Вот Джамия Дагирова очень глубоко сказала как раз по поводу «Слоя». Многие отнеслись к этим работам не всерьёз, будто я просто разложила перед собой найденные на раскопках предметы и нарисовала их. А Джамия написала, что это не просто артефакты, а портреты артефактов. Все эти тонкие вещи, которые я чувствовала, работая, она передала словом. Мне было дико приятно, не все умеют так всё понять, одним словом попасть в цель.

— Патя, — говорю я ей. — Патя, ты знаешь, что ты сама всё время попадаешь в цель, что ты стрела? В смысле, я тебя именно так вижу.

Она резко поворачивает голову, брови сведены к переносице, смотрит серьёзно, не пытаюсь

«Гусейнова Патимат», художник
Кабулаева Амина, 2018, бумага,
тушь, перо. 29,5x41

перевести разговор в шутку, в лёгкую дружескую болтовню. Потом отрицательно качает головой.

— Нет, — говорит, — стрела это же значит и лёгкость, да? А на меня иногда нападают такие, знаешь, не объяснимые ничем сомнения. Я такой человек — даже в самых простых вещах, что не всегда умею слышать себя, доверять себе. Моя жизнь была бы совсем другой, если бы я умела. Ну вот, предположим, я точно знаю, как пишется какое-то слово. Но приходишь, предположим, ты и говоришь: нет, оно пишется не так. И я начинаю сомневаться, теряюсь. И к тому же мне на халяву жизнь ничего не преподносит. Я вот графику не очень, я живописец, колорист, но как-то увидела работу, там были две линии всего и всё ими сказано. Спрашиваю у художника, как тебе удалось? А он отвечает: купи штук десять пачек бумаги «Снежинка» и мучай её целыми днями. Всё вот так элементарно — «нужно мучить бумагу». Не жалеть себя, не жаловаться, а пахать, пока не начинаешь падать, с ног валиться. Ты переживаешь, ешь себя, просыпаешься с ангиной, но вот такой — измотанной — через слёзы, усталость, болезнь ты начинаешь что-то понимать. Может быть, у других иначе, но у меня именно так. Думаю, жизнь не обманешь, и живопись не обманешь, если в тебе есть какая-то гадость, она вылезет. Живопись не принимает ни ложь, ни сомнения — она очень ревнива. Если ты через неё собираешься стать круче всех, если она просто средство, она тебя облажает. Либо работай спокойно, передавай точно то, что чувствуешь, либо — да пошла ты...

— Ну, погляди на себя со стороны, где ты, а где «спокойно»? Ты же искришь, разве сама не видишь?

— Вообще-то ты права. Если бы мне нужно было выбрать слово, которое меня отражает, я бы выбрала «беспокойство». Но не то беспокойство, которое тревога, плохое предчувствие, а то, когда тебя трясёт, лихорадит. Когда тебе что-то нужно взять или отдать, но немедленно. Честно говоря, я, наверное, счастлива, что всё так обстоит. Но для работы это неподходящее состояние.

Её первый проект назывался «Вне тела». До него был очень тяжёлый период, когда

за три-четыре года она хорошо узнала, что значит слово «утрата». Один за другим уходили близкие — брат, дядя, тётя. И мама с папой. Тогда она не могла работать, не могла создавать — случилась беда, и ей нужно было рвать, ломать, портить, закрашивать всё сплошным чёрным. Так спасалась. Рассказывала «я не могу мазать, потому что мне плохо или хорошо. Мне нужен материал, с которым можно работать». И когда она, наконец, выкричала всю боль, пришла тишина, а вместе с ней и размышления. Наметились первые тонкие связи, из которых и вырос каркас будущего проекта.

— Знаешь, — говорит Патя, — лучшее моё интервью было после открытия выставки, когда я падала без сил. Я ехала на телевидение и думала, как же я там буду. У меня не было сил разговаривать. Зато, как оказалось, были силы успокоиться. Я совершенно не думала, кто и как меня услышит и как поймёт. Меня не выплёскивало, не разбрасывало.

Бокс и ромашки

— Когда я пришла на бокс, меня спрашивали: тебе зачем, кто тебя обидел? А я не потому, что обидели, а потому, что холсты рвутся. Понимаешь? Рвутся под мастихином холсты. Что-то из меня выплёскивается бесконтрольно, я чувствую выброс, но он спонтанный, независимо от меня происходит. И мне трудно себя как-то остановить. Я как-то работала в нашей Академии наук и страшно завидовала тамошним людям. Они все степенные, всё анализируют, по полочкам раскладывают. Это немного влияло и на меня. Помогало. Ещё помогает руль: он у тебя в руках, он заставляет тебя ехать по прямой, поворачивать там, где нужно. Есть люди, которые стремятся расширить свои границы, а со мной наоборот — мне нужно что-то или кто-то, чтоб их установить. И бокс в этом плане сильно помог, я там выплёскивала лишнее.

Несколько лет назад я уже писала с ней интервью, и Патя рассказывала, как совладала со своим Красным. Этот цвет поднимался в ней, подчинял себе каждую работу, пожирал, как когда-то огонь пожрал её родное село. Ей было всего четыре года, но она помнит, как

пылали дома, кричали люди, как кричали животные. После этого она долго не могла есть мясо — становилось плохо; грозы, ливня — всего неумеренного, стихийного — тоже пугалась. Как сама говорит, тот давний пожар дал её жизни ещё одно измерение. Но при этом отнял что-то очень важное, может быть, уверенность в том, что мир справедлив и ласков. Это долго не давало покоя, а после она как-то научилась справляться. Разложила, назвала по именам всё, что мучило, ко всему прикоснулась, и тогда Красный взял и подчинился. Перестал быть кошмаром, неподконтрольной вспышкой ярости, сделался просто одним из цветов, ярким и ликующим.

Впрочем Патя не любит вспоминать об этом.

— *Осточертело мне говорить о детстве и по-жаре! О детстве я тебе другое могу рассказать. Как картошку копала. Как убежала с полей в библиотеку, а меня оттуда вылавливали и отправляли назад в поле. Типа, ерундой не занимайся. Я всегда себя помню тонкой, мир так остро чувствовала, смотрела и видела каждую маленькую деталь! А с этой картошкой было так скучно. И я сама не замечала, что выпрямилась во весь рост и куда-то смотрю. Мама сердилась: «Не стой в центре поля столбом. Наклонись! Не работай даже, а просто наклонись, чтоб люди не видели, как ты стоишь!»* А я уже тогда думала, зачем нужно притворяться, зачем столько сил на это тратить? У меня ощущение, что слишком много времени разбазарила, слишком мало достала из себя, а там есть, что взять, есть глубина и потенциал. Мне тупо обидно, что я не занимаюсь живописью столько, сколько мне надо. А надо мне много. Очень много. Чтобы я уже падала от опустошения. Иногда чувство бывает, как после большого скандала, когда уже нет ни гнева, ни слёз, ни мыслей — только звенящая пустота. Но столько работать я не могу, приходится отвлекаться на какие-то другие дела.

В том первом, старом интервью я всё наседала и спрашивала, что за странное отношение к деньгам, почему она не хочет писать на заказ, почему не любит продавать свою живопись. А она хмурилась, повторяла: как только звучит слово «деньги», из работы уходит душа. Но прошло несколько лет. Мы обе изменились, как и некоторые наши взгляды.

— *Когда-то я считала, что если ты делаешь что-то на заказ, это предательство. Сейчас думаю иначе. Делай, как умеешь, если человек чего-то хочет, и ты за это взялся. Каждый имеет право на свой вкус, есть хинкалоеды и гурманы. Но тут*

нужно помнить, если ты шеф-повар, то не можешь подавать макароны по-флотски как изысканное блюдо. А на людей за их вкус сердиться не стоит, они не всегда виноваты, что в этом отношении не очень образованны. Нужно работать много, делать выставки, образовывать людей, говорить с ними, вливать, ещё вливать. Но если он очень хочет ромашки, то можно дать ему ромашки.

Листья, уголь, люди

Меня всегда изумляло, как легко, буквально из ничего она создаёт праздник. Вот, к примеру, несколько лет назад придумала Курч. Множество разных людей, среди них и совсем случайные, узнавали о нём через Фейсбук, и в назначенный день приезжали к ней в мастерскую. Домик стоял на самом краю города (так казалось, во всяком случае), небольшой домик, а вокруг него жил огромный сад. Будто фруктовые эти деревья посадили вовсе не для урожая, не для компота-варенья, а просто для красоты. Чтоб сначала цвели, заливая зелёное белым и розовым, а затем рождали красную черешню, сизые сливы, ярко-оранжевые абрикосы. А из этих абрикосов она и готовила курч — абрикосовую кашу. И сверху поливала урбечом, выводя солярные знаки, лабиринты, круги, звёзды с острыми лучами. Мне казалось, что это расточительство: звать к себе такую ораву, расходовать на них силы и слова. Да ещё и готовить, да ещё и рисунки эти выводить. Она не сердилась, объясняла:

— *У меня мама, если помнишь, была председателем сельсовета, вся в работе, ей просто некогда было, а я большую часть времени жила у папы и в моём детстве не было тёплой семейной обстановки. А мне всегда хотелось другой дом, настоящий. Чтобы там пахло вкусной едой, чтобы всё красиво, мне хотелось быть ЗАмужем, я думала, что буду хорошей, послушной, чёткой такой женой, хозяйкой, мамой.*

На стене над нашими головами висел коровий череп, выкрашенный золотой краской (нашла у дома, жалко стало, он ведь красивый, покрасила его ещё), и как будто подтверждал то, что она говорила — да, есть такое, прикасается и преобразует, строит свой собственный вымечтанный мир, свой Дом. Всюду строит. И тут, в мастерской, и в Центре этнической культуры.

Этноцентр сейчас — одна из самых ярких художественных площадок в Махачкале. Он живёт, по-настоящему живёт и в будни и в выходные дни.

По воскресеньям туда приходят люди на Воскресные чтения. Представьте себе, взрослые и совсем маленькие люди собираются, чтоб читать вслух и потом говорить о книге. А по субботам в Этноцентре воркшопы. Тоже Патина придумка. Она там директор выставочного зала.

— Я ожидала, что это будет так: каждый художник приходит и рисует в своём стиле. Что будут не только фигуративчики, но и мы, абстракционисты. А пришли реалисты, классики. Может, потому, что для тех, кто занимается современным искусством, нужны немножко иные условия. Эта площадка слишком чистая, тут нельзя сверлить, пилить, пачкать. В общем, я думаю, сам Этноцентр продиктовал формат. Там хорошая материальная база, костюмы, этнические предметы. Любой экспонат можем использовать и собрать любой образ. От такого соблазна трудно удержаться, так что по большей части мы пишем портреты и натюрморты.

Но львиную долю времени тратим на чаепитие, на общение, и за этими столами мы придумали много проектов. Даже арт-группа образовалась. Мы назвали её «Мосты». Мы сидели, пили чай и думали, как будем жить дальше. Всегда хотелось делать что-то по теме города, но на своём языке, художественном. Габо недавно сказал: грош нам цена, если мы не выйдем и не встанем рядом с нашими городскими активистами, с группой Город Наши. Например, просто с мольбертами приехать к озеру можно, встать и красить. И мы придумали проект «Камень. Ножницы. Бумага». Она же всем известна, эта игра. Всем понятна. Но взрослые играют, на ходу меняя смыслы. Например, в игре бумага побеждает камень. А если это рассматривать в нашем контексте, то камень — это закон, который побеждают через липовую бумажку, через фикцию. Но тема сама по себе очень широкая, и каждый может выбрать, что он хочет сказать.

В центре выставочного зала огромный, тёмного дерева стол. Каждый раз, собираясь на новую выставку, мы гадаем, что сейчас на нём окажется? Будет ли рассыпано зерно, или яркие апельсины, или жёлтые осенние листья... что Патя придумает на этот раз?

— Всё происходит спонтанно. Лучшие всего получается, когда думаешь: так, я доверюсь времени, моменту и себе. Так было прошлой осенью, когда мы за два часа до открытия выставки «Одна. Любимая» пошли на Родопский бульвар, собрали листья,

накидали их на стол вместе с камнями. А ещё была совместная выставка Лены и Тагира Гапуровых и Зайнутдина Исаева «Хатт-Асар 2». Я поехала на рынок, мне нужны были какие-то штуки для монтажа, там увидела уголь и сразу решила — вот это! Если бы ломала голову, продумывала, ничего бы не вышло. Нужно просто быть готовой, открытой и зоркой, тогда тебе подсказывают, протягивают то, что нужно. И в живописи так. Если ты идёшь с мыслью «вот я — мега-художник, вот сейчас замучу», то фиг ты замутишь!

Светлана Анохина

Светлана Анохина

Журналист Елена Срапян и фотограф Александр Фёдоров прилетели в Дагестан в августе. Практически сразу после того, как презентовали в Москве свой мультимедийный проект об индейцах Амазонии. И не для того, чтобы отдохнуть, прилетели. С начала августа по конец сентября Лена и Саша работали над фильмом о дагестанских женщинах. Побывали в Кубачи и Балхаре, в Кара и Годобери и ещё в десятке других селений (в прошлом номере журнала «Дагестан» мы размещали фотозарисовки Александра Фёдорова). А потом спустились в Махачкалу и рассказали о той самой Амазонии, об индейцах и о том, где человеку жить хорошо.

ПРО ИНДЕЙЦЕВ

«А потом яномами украли аккумулятор...»

А.Ф.: — Ну, мы с середины 2017 года снимали проект по пяти странам по пяти народам, 8 месяцев были в том регионе.

— Обладеть! И вас не съели?

А.Ф.: — Не едят индейцы людей, они умные создания. Потому что мне иногда кажется, что они определённо умнее тех, кто задаёт такие вопросы. Индейцы живут в хижинах, но они не идиоты, они живут в современном мире. И каннибализм имел место там, где была нехватка белка. Всё просто. На Папуа был каннибализм, не было никакой съедобной еды, ничего белкового. А потом туда завезли свиней и каннибализм закончился. Рассказываю

дальше. Мы прилетели к друзьям в Колумбию, всё это время мы были там. И вот такой сидишь у друзей: куда дальше, что делать — не знаешь. Вроде уже устал отдыхать, и кто-то — «А-а-а-а, Амазонка», и сразу — «Слушай, а хочешь к амазонским индейцам?» И мы поехали.

— Ну, я ещё могу понять, когда речь о Саше, но ты, Лена! Авантюры — это круто, но всё же переть по сельве вдвоём, там разные шастают, а ты молодая женщина.

Е.С.: — Так в сельве ж никого нет, кроме индейцев, а они, как правило, ребята небольшие. В Венесуэле ещё два года назад было опасно, но после того, как было подписано мирное соглашение ФАРКА (это движения колумбийские, которые 50

лет ведут гражданскую войну) с правительством Колумбии, стало потише. И мир устроен так, что главные опасности концентрируются в городах. В Латине это стопроцентно работает. Именно в городе к тебе могут подойти и сунуть ствол, и никто не будет вмешиваться. Ну и мы не по лесу ходили, жили в деревнях.

А.Ф.: — Ну и потом у нас не было денег, мы это всячески подчёркивали. И в маленьких местах очень быстро узнают, что ты зарубежный журналист. Они прекрасно понимают, что если что с тобой случится там — им хана. Но при этом среди воарани есть два племени неконтактных. Они свою территорию охраняют, ставят скрещенные копья на тропинках. Ты такой идёшь, прошёл за копья, и из кустов выскакивают голые чуваки и тебя убивают.

— **Давайте про человеческое. Про еду. Если они не едят заезжих журналистов и этнографов, то кого едят?**

А.Ф.: — У яномами действительно очень плохо с едой, там кризис, никакого снабжения нет, и они охотники-собиратели. У них бедный дичью лес и очень неплодородная почва, там вообще мало что растёт, а какие-то штуки, типа папайи — они сезонные. Но есть маниока. Она бывает двух видов: сладкая и горькая; горькая содержит цианид. Ты не можешь её просто сожрать, её нужно протереть, выпарить и высушить на солнце. И то регулярно все травятся. Мы настолько уже от этой маниоки устали, что в Ла-Эсмеральда ходили к военным.

Е.С.: — Это в Венесуэле, в центре муниципалитета, где мы застряли на месяц. Маленькая деревня, человек на 200, но кого там только не было! Сама деревня народа якуана. Но сюда приезжает много яномами, чтобы оттуда как-то выбраться в столицу штата Пуэрто-Экучо. А ещё там Свидетели Иеговы, кубинские врачи, военные со всей Венесуэлы — в общем, там было такое попури! И нас полковник один пару раз приглашал поесть; мы запомнили, когда у них там завтрак-обед-ужин, и приходили, садились там, ждали: позовут – не позовут... Иногда нас звали, иногда – нет, а поскольку у военных центральное снабжение, там просто можно было купить консервы, иногда — макароны, курицу, шоколад.

А.Ф.: — Мы жили с кубинцами, такое здание в виде креста, в центре — общая кухня с одной плитой. Воды не было, вода была из шланга на улице. И вокруг крошечные комнатки, куда помещались две кровати и стол. Нам майор венесуэльской армии уступил свою комнатку.

Е.С.: — Там был санузел, и ты мог натаскать воды и помыться голым хотя бы, а не как обычно, в купальнике в реке. У нас была двухъярусная кровать, матрасы в целлофане, были и простыни, и мы радовались, что можем спать не в палатке. Но была жуткая духота, всё очень быстро нагревалось, окно было заколочено. При этом там был кондиционер! Поначалу был. Он работал от генератора, а в том регионе вообще проблемы с бензином, и вот бензин начал заканчиваться, и стали включать его на

несколько часов после заката, чтобы при свете ужин приготовить и уснуть под кондиционером. А ещё там невероятное количество насекомых! И ты не можешь зайти в комнату и закрыться, потому что страшная жара. Сидишь на улице, и тебя пожирают комары, и ты ждёшь, когда же дадут электричество, чтобы включить кондиционер, зайти, закрыться от этих кровососущих! И мы сидим, никакие, еле дожили до часа, и тут!.. Яномами скомуниздили аккумулятор и продали его нафиг!

А.Ф.: — А яномами всё воруют. У них нет денег, они приезжают в посёлок и застревают там на неделю, а им надо покупать какую-то еду, вот они и воруют всё.

— **А другие индейцы? Те же пираха?**

Е.С.: — Нет, пираха никогда не воруют. И яномами — в Венесуэле, а пираха — в Бразилии. Каждый народ отличается от другого, например те же пираха, — они предпочитают вообще с тобой дел не иметь. Они, во-первых, боятся белых людей, потому что в своё время многое вытерпели, во-вторых, они в принципе очень тяжело заимствуют чужие вещи. Хотя, если ты миссионер, они чего-нибудь да сопрут. Но мы жили у Керен. Смотри, был такой чувак Дэниэл Эверетт, он написал книгу «Не спи, кругом змеи» — про пираха. И Керен его бывшая жена. Она до сих пор там, и продолжает заниматься языком пираха, их словарь составляет. И вот никто бы у неё ничего не взял, наоборот: они приносят

какие-то вещи. У пираха такой способ осознания действительности — у них есть духи. И вот как происходит общение с духами: кто-то из пираха идёт в лес и изменённым голосом что-то оттуда кричит. И это типа не он сам, это дух через него сказал. И это для всех факт, сомнению не подвергается. Но духи никогда не кричат ничего странного! Духи кричат прикладные вещи. Например, они поняли, что нам интересна их культура. И дух им прокричал, что они должны прийти к нам и спеть.

— **И они притопали к вам петь всем племенем!**

А.Ф.: — Ну не все, они передали через Керен, в такой-то день мы придём, будем петь, потому что нам дух сказал. Керен ещё поржала над ними (она им раздаёт какую-то еду, крупу маниоковую — фаринья называется, очень популярная), а потом спрашивает: «ок, я поняла про вашего духа, а ваш дух же любит фаринью?» И они, такие скромные, в пол посмотрели и говорят: «любит». Ещё у Керен есть разные видео, она ставит их для пираха, а одно из них про Папуа, про чуваков, которые похожи на индейцев. И вот они теперь приходят и говорят: «хотим этих людей, которые живут в лесу». Она включает им, они смотрят, им очень нравится. И когда мы им объяснили, чем мы зани-

маемся, показали им фото и видео, они пришли и на следующий день: «мы хотим ещё смотреть, как другие индейцы поют».

Я занят, меня жена наказывает

— Рассказывайте мне, как у них всё устроено. Семья или тухум есть? А как они женятся-разводятся?

Е.С.: — У них сложное устройство: у них есть фратрии разные, это что-то типа кланов. Но не в кавказском понимании. Есть две большие фратрии: те, кто с перьями, и те, кто без перьев. И внутри этих фратрий конкретные кланы конкретных животных или птиц, соответственно. Такой механизм у каждого народа есть, чтобы избежать близкородственных браков. У эквадорских воарани точно есть правило: кто и за кого там не может выйти. И у них, кажется, нет свадебного обряда.

— **Погоди, а как же подарки, банкетный зал, чемодан для невесты?!**

А.Ф.: — Какие подарки, там вещи общие до сих пор у многих.

Е.С.: — У них не у всех есть понятие частной собственности. Исторически большинство

индейских племён жили в общинных домах. Одна община — один дом. И у яномами такой дом до сих пор есть, у них он называется шапоно или шабоно. Он круглый, очень большой, это несколько навесов вкруг и в центре свободное пространство. Это для того, чтобы в центре тусовались дети, и кто-то за ними всегда присматривал, когда остальные уходят на охоту или что-то собирают в лесу. Но такой строй, общинные дома сохранились у отдалённых племён, а там, где мы были, все живут уже в отдельных домах. Семьи устроены довольно просто, по большей части они моногамные. Но у всех амазонцев очень лёгкое отношение к сексу. Секс — это хорошо, не стыдно, это вообще основное развлечение, и всем весело. У Эверетта в книге есть очень смешная сцена, где он заходит к своему приятелю из общины пираха, а тот лежит на полу, на нём сидит жена, держит его за волосы и легонько стегает хворостиной. Эверетт говорит: «пойдём, ты мне нужен», а мужик отвечает: «я не могу сейчас, я замутил с другой женщиной, и теперь жена меня наказывает». Но при этом у тех же пираха, если ты ушёл в лес с другой женщиной или с другим мужчиной и пробыл там три дня — всё, это развод и новый брак. А вот у воарани есть многомужество. Одна женщина может жить с двумя мужчинами.

— **Какие замечательные люди!**

Е.С.: — Пока мы были среди этих людей, я заметила, что их всех отличает какое-то нереальное психическое здоровье. Может быть, общинный строй в их амазонском восприятии растит каких-то здоровых и достаточно свободных людей. Сейчас многое уже изменилось, но сравнительно недавно было не важно, где, чьи дети — это были дети об-

щины. Они предоставлены сами себе во многом и в то же время не брошены никогда, они такие здоровенькие, и в них вот этот внутренний механизм свободы и умение спокойно сказать «нет».

А.Ф.: — А какие у них ритуалы! Там есть священные инструменты, которые закапываются в реку, потом их достают, и их не должны видеть женщины. Ещё потрясающие маски — на всё тело, из коры фикуса их делают, расписывают, и это как бы разные духи. Они приходят, смущают, искушают, потом им дают еду, и духи уходят.

— **Это как-то не вяжется с рассказом о скрепленных копьях.**

А.Ф.: — Так у разных племён всё по-разному, говорю же. Те же воарани, никто не знает, что с ними делать, — они долгое время оставались вне контакта, потому что они всех нафиг мочили. У них где-то 12–15 кланов и некоторые до сих пор неконтактные. Смотри, у них у всех есть шаманы. И вот сидит шаман и говорит: «что-то погода плохая, это вот эти нам нагадили, пойдёте их мочить». И вот раз тароменане пришли на свадьбу к воарани и закололи молодожёнов. Причём это 2012 год, современный мир! Одно племя довольно развитое, они в каменных домах живут, носят современную одежду, дети в школы ходят; и тут к ним врываются люди в набедренных повязках с копьями. Но что происходит дальше? То племя, где была свадьба, идёт и покупает ружья и отправляется мстить — никакие каменные дома и школы тут уже не срабатывают. Убивают целую общину, человек 20 погибших. Но почему-то оставляют в живых и забирают с собой двух девочек.

Е.С.: — И вот притаскивают они этих двух девочек, разводят по двум соседним деревням, и

они там живут. Мы сейчас вот приехали, а девочкам дома уже строят — потому что они подросли. И мы видели старшую. У неё что-то случилось с ногой, её увезли в больницу в ближайший крупный город. И вот прилетает вертолёт, из него выходит девочка, которая 7 лет назад была в неконтактной общине; она в кедиках, в джинсах, в розовой маечке, говорит по-испански: «привет, ребята, как у вас дела?». Её пытались вывезти из общины, перебившей её близких, а она сказала: «я никуда не поеду, мне здесь хорошо». Вообще, кровная месть, кровавые разборки, выреза-

ние соседей, похищения женщин — для воарани это часть культуры. При этом внутри общины у них очень тёплые, очень нежные отношения. Это очень забавная такая корреляция.

— Для меня до сих пор непостижимо, как развиваются эти отдельные культуры на таком маленьком куске земли, как тот же наш Дагестан. Казалось бы, у этих горы и у тех, едят приблизительно одно, климат один, а в результате два разных народа.

Е.С.: — Ну, любое общество вырабатывает свои механизмы для решения распространённых

проблем. То есть, кто с кем может рождасть детей, как хоронить людей, убивать ли других и за что, какая система наказаний, какая система поощрений, что хорошо, что плохо. Но каждое общество вырабатывает это самостоятельно и в итоге их стандарты друг от друга очень отличаются. Люди очень разнообразны, как раз это и показывает Амазония: каждое сообщество может сформировать культуру, которая будет абсолютно не похожа на культуру соседа. У них, конечно, будет какое-то эндемичное сходство, например, все будут жрать маниоку и все, скорее всего, будут готовить её похожим способом, но на этом сходство заканчивается. Думаю, человек — существо действительно многообразное, мы способны на моделирование бесконечного числа ситуаций.

Миссионеры, прогрессоры и розовые волосы

— А как там, в Амазонии, решается вопрос с сохранением культурного кода? Вы говорили про миссионеров, но они как раз первые всё нивелируют...

А.Ф.: — В Эквадоре была миссионерка-фанатичка, которая сотрудничала с нефтяными компаниями. Компаниям нужно было, чтобы индейцы убралась со своих земель, а ей — чтобы они превратились в приличных людей и зажили в городах, которые для них построило правительство. И они

переселили часть вуарани, а те поспивались. В общем, это была большая трагедия.

Е.С.: — Но есть другой пример. Есть такой народ текуна (тукуна, тыкуна), они в какой-то момент переселились из леса поближе к Амазонке. А это главная транспортная артерия, больше всего подверженная внешнему влиянию, и текуна очень быстро начали терять свою культуру. В какой-то момент некоторые общины спохватились, поняли, что так нельзя. Они к этому моменту уже перестали говорить на своём языке, утратили большую часть ритуалов. И сейчас они восстанавливают свой язык по книгам лингвистов. Есть ещё воарани эквадорские, они всего 60 лет в контакте, живы ещё люди, которые первого белого человека увидели всего 40 лет назад. И они борются за свою землю, у них колоссальное движение за право на территорию. Да, они утратили какие-то материальные вещи, они строят новые дома, но они сохраняют старое. Они всегда рады надеть свои традиционные одежды не для туристов, а потому что они реально гордятся. Они говорят: «наша культура прекрасна, нам не нужен ваш город, мы себе очень нравимся». В той общине, где мы были, у её лидера — Пенти Байла, есть адвокат в Соединённых Штатах Америки, который продвигает их дело в межамериканском суде по правам человека.

— Но есть и другая крайность, знаешь, такие колониальные настроения. Мол, давайте сохраним изо всех сил этих прекрасных дикарей в их

прекрасной дикости, чтоб мы могли приезжать и любоваться.

Е.С.: — В целом это про низовую инициативу. Культура сохраняется тогда, когда её носители хотят свою культуру сохранить. Ведь и уроки языка можно самим организовать, это не так уж трудно — скинуться на зарплату одному учителю. И ещё важно, чтобы у деревни был лидер, который бы всё это координировал. Мы были у ашанинка, они же кампа (ашанинка — это самоназвание, в переводе «человек»), так они суперкрутые. У них своя идеология гармоничного сосуществования в общине. Там и про гостеприимство, и про то, что конфликты надо решать беседой, разговором, и то, что все люди нужны и важны, и о детях, и обо всём. Причём это в Перу, в этом жутком месте, через которое прошли каучуковый бум, конкистадоры, нефтяные компании, наркос, где выращивают коку в лесах, гражданская война там была, репрессии государственные — короче, по ним прошлось всё. И вот они, не в последнюю очередь благодаря этой идеологии, выстояли, смогли объединиться и сохранить и себя, и культуру, и вообще выжить. У них, как у большинства индейцев, демократия. Каждые несколько лет выбирают главу голосованием общины. И сейчас там мэр молодая женщина, Леонильда.

— **Вам приходилось соблюдать какой-то дресс-код?**

Е.С.: — Амазония диктует тебе дресс-код сама, потому что там дикое количество кровососущих

насекомых, и ходишь ты там не в мини-шортиках, а в плотных штанах, чтобы их не прокусывали москиты, в носках, в рубашке. А кроме москитов есть ещё проблема. К нам постоянно бегали дети, разбалтывали нам все сплетни деревни, дети очень хорошо болтают по-испански. Яномами приставучие, тебя окружают 20 детей, они начинают тебя дёргать, покусывать. Хочется их убить через 5 минут, но там, как в школе, — дашь слабинку, и всё. Покажешь, что ты разозлился, и тебя будут стება, вообще не оставят в покое. Приставали и дети, и бабушки: у меня были цветные, розово-синие волосы, и бабушки подходили, и волосы мои растягивали.

— **Слушайте, вы вот оба много ездили, я представить себе не могу, сколько вы видели стран и народов. А мы в Дагестане на кого похожи?**

А.Ф.: — Хочешь услышать про уникальность? Вы уникальны. И амазонцы уникальны. Все уникальны!

Е.С.: — Ну есть места, которые буквально наспигованы разными культурами, кстати, Амазония не годится — всё это размазано по огромной территории; там ведь непроходимый лес и трудно добраться, хотя там много этнических групп, несколько сотен. А вот Бирма... Там, кажется, национальностей 30 и у них ещё гражданская война, и у каждой национальности есть какая-то ещё своя вооружённая сила и свои законы.

— **О, прекрасно, пусть так и будет, пусть мы будем Бирма! Пусть так и будет!**

**Магомед Ахмедов,
народный поэт Дагестана**

Сказать слово об ушедшем друге всегда тяжело. Перед моими глазами стоит Магомед Раджабов — молодой, красивый, талантливый. Я уже постарел, а он останется всегда молодым. Замечательная улыбка, всегда дымящаяся сигарета, искромётный юмор, на ходу брошенный афоризм, который становился уже твоей мудростью, и конечно стихи, стихи, стихи... Свои и чужие... Он читал — я слушал, я читал — он слушал.

На балконе в его квартире был наш уголок, где мы иногда до утра сидели, спорили, читали, мечтали. Хотели сделать всё вокруг чище и лучше, и страну, и родину любили, «но странною любовью». Нам казалось, что стихами можно изменить мир, восстановить справедливость, защитить истину, в это мы искренне верили. Да что там говорить — и сейчас верим. Был бы Магомед Раджабов жив, он по отношению к поэзии не изменился бы. Он слишком любил поэзию и сам был поэтом. Мы много теряли, но и многое находили в наше молодое, крылатое время.

Как сказал Магомед Раджабов: «Потерял что-то, а что — так и не понял. Потом нашёл, но не понял, что нашёл именно то, что потерял. И продолжает искать».

Поиски самого себя — вот главная черта и творческое поведение Магомеда Раджабова. А найти себя всегда труднее, чем находить других:

Обретая центр мироздания,
Уношусь во вселенную с миром,
Сокрушая свои создання,
Возвожу на плаху кумиров.

Оставляя здесь раболепье,
Оставляю пошлость и гадость,

Иных уж нет...

На плечах моих рвань и отрепья,
А в душе лишь покой и радость.

Отряхнув с себя пыль веков,
Дотянусь до черты высокой
И избавлюсь от тяжких оков,
Затянувшись в омут глубокий.

Я смогу.

Это — автопортрет Магомеда Раджабова. Точно, сильно и как-то разорвано он сказал о себе всю правду.

Однажды мы с ним после ресторана «Лезгинка» попали в милицию. Нет, мы ничего такого не делали, просто шли по улице Пушкина. Нетвёрдым шагом (а по улице Пушкина многие поэты тогда почти всегда шли нетвёрдым шагом и, немного шатаясь из стороны в сторону). Вот мы сидим в милиции и начинаем читать стихи Гумилёва, Пастернака, Есенина, других любимых нами поэтов. Это было что-то невероятное. На нас смотрели (и были правы!) как на дураков:

Милиция, улица, лица
Мелькали в свету фонаря...
(Б. Пастернак)

Милиционеры слушали и слушали нас, как ни странно, не перебивая, и... отпустили. Сказали: идите, идите домой.

«Иных уж нет, а те далече», — сказал Пушкин словами Саади.

Грустно и печально, когда уходят такие люди, как Магомед, и хочется крикнуть со временем: «Жаль, что нельзя поменять мёртвых на живых». Это уже Хемингуэй произнес.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Потерял что-то, а что — так и не понял. Потом нашел, но не понял, что нашел именно то, что потерял. И продолжает искать.

* * *

Одинозаврилась эпоха.

* * *

Алые паруса, бегущие по волнам блистающего мира.

* * *

Шапка волос набекрень.

* * *

Мелочь внушительных размеров.

* * *

Мне больно расплескать минуту красоты.

* * *

На ощупь — проще.

* * *

Совратить на путь истинный.

* * *

Неосторожно нежен.

* * *

Пить тянуло в такой стране, как эта —
Где мало воздуха и мало света.

* * *

Абуталиб сказал: «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки».

Вопрос: а если кинуть в прошлое рубль?

* * *

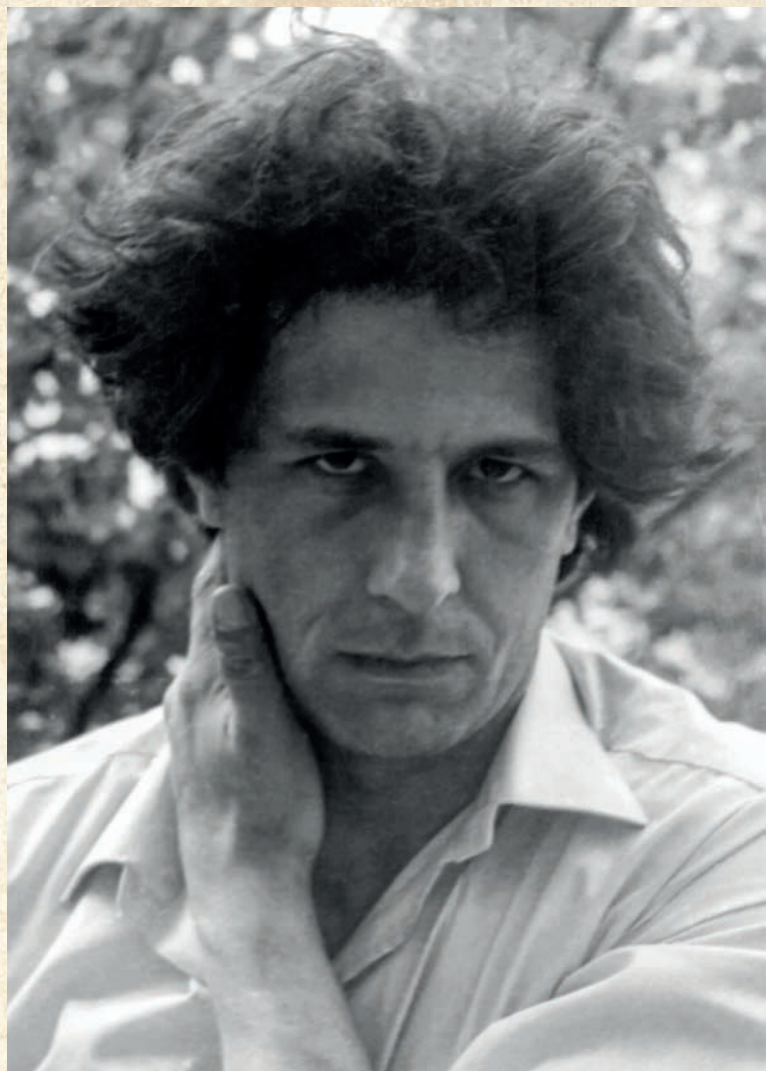
Существует все, в чем я уверен. Не существует то, чему я не могу найти объяснения. Следовательно, если я не обнаружу где-либо то, в чем я был уверен (знаю, что город стоит на берегу моря; вернувшись после долгого отсутствия, вижу, что моря нет, а город — на вершине горы), я найду этому объяснение, доступное моим знаниям и разуму. Иначе — сумасшествие.

* * *

Чем больше мы знаем человека, близкого нам, тем больше копим неприязни к нему, запоминаем промахи, недостатки, ошибки. А между тем есть люди, от общения с которыми копят только положительные эмоции. Жаль, что я не из этой категории.

* * *

Дружбы между народами нет, есть дружба между людьми. (Не может быть дружбы народов.)

* * *

Мы лояльны к органам власти, потому что подавляющее большинство постоянно совершает противоправные поступки. Уличить начальствующее лицо мешает страх, что оно, имея больше возможностей, уличит тебя в малом грехе и добьется наказания. Каждый живет, нарушая законы, и боится потерять эту привилегию.

* * *

Я люблю просто, люблю — и все, люблю.

* * *

У каждого своя жизнь. Одни ею довольны, другие — нет. Одни считают меня дураком, другие завидуют. А я завидую морю, оно не зависит от настроения людей, люди зависят от него и его настроения. И никто его за это не ругает, не осуждает.

* * *

Когда сидишь на пляже, на летней веранде, все с недоумением обращают на тебя внимание, если ты не смотришь на женщин на пляже, а смотришь в другую сторону.

* * *

Не для меня пришла весна,

Не для меня.

Восторженный твой смех и ласки

Не для меня, не для меня...

* * *

Литинститут — роддом писателей. Много выкидышей, прерванных беременностей, родов.

* * *

Никогда не надо уверять: «Я буду любить тебя до гроба, всю жизнь!» Уверения в любви порождают сомнения в их искренности.

* * *

Одержимость...

«Одержим идеей...

Одержим любовью...

Одержим зеленым змием...»

Сильное слово, сильное чувство,

Без одержимости слабо искусство.

Но хорошо ли это — быть одержимым?

В одержимости нет веселья, это мрачная страсть.

Это тяжело — всегда оставаться веселым бесом, чтобы глаза искрились, а не горели, чтобы в них не страшно было смотреть.

* * *

Надгробье лунное...

* * *

Одни, когда им смешно, смеются, другие — просто перестают плакать...

* * *

Был он когда-то, но спекся от солнца...

* * *

Обычно носят камень за пазухой. У меня там только моя боль, и она никому не мешает.

* * *

Иногда надо умереть, чтобы о тебе сказали что-нибудь хорошее.

* * *

Люди — зеркало! Смотри и исправляйся.

* * *

Природа — жена человека. Он живет с ней, то груб, то ласков, то делает подарки, то пропивает ее ценности. Совсем как муж.

* * *

Бросая камни в чужой огород, подумай, а вдруг там прорастет урюковое дерево.

* * *

Роя яму начальству, не забудь подстелить туда соломы.

* * *

Когда она читала стихи, она напомнила мне корову, которая жует тюльпаны.

* * *

Раньше были визитные карточки, а теперь задницы. Просунул в дверь зад, прочтут лейбл твоих джинсов и соответственно тебя примут.

* * *

Героический проступок.

* * *

В природе все размерено. Сейчас нет необходимости в гениях, так как работу гения выполняет масса посредственностей в НИИ. А в те времена, когда НИИ не было, их работу выполняли гении.

* * *

Жизнь, как сенокосилка. Ползет по лугу, надвигаясь на людскую поросль. Оставляя за собой сжатые трупы.

* * *

Распался на составные части. Остался один желудок.

* * *

Молодой человек, похожий на рекламу комиссионного магазина.

* * *

Мою окостеневшую душу ты разложила по косточкам, вытряхнула, убрала все лишнее, погладила, повесила на плечики и сказала: «Носи. Так будет гораздо лучше». А мне не понравилось, и я сгрел свои манатки и отвалил.

* * *

Его изжеванные мозги не могли выплюнуть ничего путного.

* * *

ЭКСПРОМТ

Иногда мы стихи сочиняем,

Иногда зачинаем детей,

И лишь иногда вспоминаем,

Что мы живших мыслителей тень.

* * *

— Что же ты молчал?!

— Это не я молчал, это ты не слышал.

* * *

Он не отличался знанием языков, но умел молчать на древнегреческом.

* * *

Сделать жаркое из языков сплетниц и их же накормить.

* * *

Пушкин умел и имел право заниматься плагиатом.

* * *

И самокритика бывает самовлюбленной.

* * *

Мой друг — поэт, а я — печальней...

* * *

Французские стихи в русском переводе он декламировал с прононсом...

* * *

Мысли дыбом...

* * *

Я горд тем, что никому не завидую. И — что не завидуют мне!

* * *

— Мальчик! Кем ты хочешь стать?
— Дедушкой!

* * *

— Допьем? — сказал он неряшливо.

ЛИРИКА

* * *

Пролейтесь надо мной
Волос своих искристым водопадом,
Вопросом вашего восторженного взгляда
И хрупким шелестом невенчаных страстей
В прозрачной тишине задумчивого сада,
Пролейтесь надо мной...

* * *

Я помню тот медленный вечер
Средь вихря бессмысленных дней,
Неярко горевшие свечи
И шорох неясных огней.
Искрилось в бокалах вино,
В камине огни догорали.
Дождинки чуть слышно стучали,
Споткнувшись о наше окно.
Все было легко и спокойно,
Без жалоб, признаний, тоски.
Нас было с тобой только двое
Вдали от мирской суеты.
Мотив мне наигрывал ветер,
Я что-то тебе напевал,
Я помню тот медленный вечер...
Хотя у тебя не бывал.

* * *

Я наклонился,
Руку опустил,
Ладонь к земному шару приложил.
Он жил,
Лежащий на моей ладони мир,
Щекой к руке прижавшийся без сил.
Он смертен был.

* * *

Это было как сон.
Мы с тобою встречались,
Ты брала меня за руку,
Мы уходили...
И совсем как во сне
Тихо ветви деревьев качались,
Тихо падали листья,
И тихо
Наши тени о нашей любви говорили.

Да,
Это было как сон,
Ведь в любви и печали
Растворялась природа,
Вся закутавшись в осень
Цвета палевой шали.
Нам шептали о чем-то
Тихим шелестом листьев,
Тихим шумом прибоя,
Тихим шорохом ветра,
Что запутался в кронах
Тихо спящих деревьев.
Иногда же природа —
Гениальный художник —
Рисовала узоры
Кистью лунного света
На ладони залива.

Да,
Это было как сон,
Или было во сне —
Я не знаю.

* * *

Мороз!
Трескучий мороз
Пробирает до мозга костей,
Даже мозг головной тоже промерз,
Только еще в мозжечке
Чувствуется шевеление страстей,
Тоже уже замерзающих.
В мозге спинном копошится,
Стараясь пробиться,
Полупьяная МЫСЛЬ,
Да так и застыла,
И как света лучи, ударившись о свод ледяной,
Отскакивают, замерзают, ломаются, летят назад
И рассыпаются там на созвездия,
Так и она — неудачница.
Разбилась, распалась и покатила в неизвестность —
в прошлое,
будущее,
настоящее?
Или вниз, где у грязного края, бездонной тоски,
Говорят, сохранилось еще немного меня,
Там, у самой клоаки.

* * *

Свихнулся!
Вдребезги разбилась
Моя хрустальная душа.
Бранясь, осколки собираю,
Кладу мозаику.
Она

Выходит куцей и убогой.
Но было же совсем не то!
Так где же лучшее?
Оно
Давно отсутствует,
А ты
Увидел это только что.
Вот так...

* * *

Несусветная,
Неприкаянная,
Безответная,
Полюби меня.
Неизведанная,
Но знакомая,
Бесприветная,
Заколдованная,
Некрасивая,
Но прекрасная,
Не горделивая,
Но далекая,
Ты единственная,
Что осталась мне,
Преклонюсь к твоей
Голубой руке,
Поцелую ее
В пальцы длинные,
Посмотрю в твои
Глаза карие
И уйду с тобой
К божьей каре я.

* * *

Я закинул веревку в небо
И спустился по ней в глубь земли,
Я засеял поле хлебом,
Сладким хлебом моей мечты.
Я разведал в недрах воду,
Превратил ее в облака.
Не просил у природы погоду,
Не просил у природы дождя.
Был я ласковым и непокорным,
Был неуживчивым и простым,
Но просыпались моей нивы зерна,
Не сбывшись мечтам голубым,
Не сбывшись мечтам розоватым,
Коричневым и золотым.
Мечтать надо, как солдатам, —
Остаться бы в атаке живым.
Не трусить, не прятаться, просто
Мечтать, чтобы чуть повезло.
Налей-ка, брат, грамм этак по сто,

Чтоб, вмазав, совсем развезло.
Лишь в этом найдешь упоенье...

* * *

Счастье мое,
Мне не дано
Имя твое узнать.
Нежность любви —
Призрачный дым,
Мне тебя не целовать.
Встречусь с тобой
В своре людской —
Мне тебя не отгадать.
Ты мимо пройдешь,
Взглядом скользнешь —
Меня не сможешь узнать.
А позже
Мы вспомним об этой встрече,
Узнаем друг друга,
Но не сможем встретиться,
Будет поздно,
Все пройдет
И останутся только воспоминания о нашей встрече,
Которой не было.

* * *

Ты любила меня. Изменило
Нам с тобой половодье любви.
Ты любила меня, но носил я
Не тебе на рассвете цветы.
Ты любила меня, ты простила
Мне все то, что не поняли мы.
Ты любила меня, ты любила...
Откровения мне не хватило,
А себе не доверилась ты.

* * *

Какою нежностью,
Какой щемящей грустью
Отозвалось во мне имя твое,
Такое светлое.
Во мне, все доброе,
Прекрасно-детское
Все ожило.
И только страшно мне,
Что ты, прекрасная,
Уйдешь, как дым,
Мечтою розовой,
Наивной, грёзовой
Моей любви.
Но не напрасно ты,
Мечта прекрасная,
Пришла ко мне —

Моей душе больной
Ты принесла покой.
Но и тогда судьбе
Молюсь я и тебе,
Богиня светлая...

* * *

Лишь глаза освещаются жизнью —
У смерти глазницы пусты.
А из космоса ясно видим
Глаз голубой Земли.

Черные дыры Вселенной —
Провалы безжизненной тьмы,
Были планетами,
Жизнью согретыми,
Самоубийцами
Бы...

Разума череп простреленный,
Воронками вытекших глаз
Немо взывает,
Предупреждает
И обвиняет
Нас!

* * *

Баку горит. Хурмы пожары
Залили улицы, базары...
Азербайджана сын поджарый
Его поджег. Он, бес лукавый,
Торговли поприще для славы
Себе избрал. В нем преуспел.
Он улюлюкал и свистел.
И сказочных плодов жаровней
Пред ним прилавок тлел,
Дымился шашлыками тел.

Властители домашней кухни,
Оставив здесь бумажник пухлый,
Макали руки в сок олив.
Гранатов тискали бока,
Бросались в груды фейхоа
И, зеленью себя осыпав,
Давили пяткой чернослив.

А страсти лживые кредитки,
Раздувшись от тугих нулей,
Толпу локтями раздвигая,
Под своды «Караван-сарая»
Водили преданных друзей
И обирали их до нитки.

Лишь башни Девичьей курок,
Любви и верности свидетель,
Печальной памяти хранитель,
Других страстей и дум ревнитель,
Взведен.
И точно в срок
Базару выстрелит в висок!

ОТРЫВОК

Курю. Наслаждаюсь каждой затяжкой, жмурюсь от ласкового московского солнышка, отдыхаю в парке, чувствую себя роскошно. Nirvana... Полная nirvana.

Как ласкова летняя воскресная столица, разленившаяся от жары и восторгов своих гостей. Я тоже здесь гость и я тоже в восторге.

Москва — красавица краснощекая и полногрудая, широким своим подолом покрывшая большую площадь, из которой и сложилось это государство в государстве.

Государыня-столица, разрешите в вас влюбиться?..

«Пожалуйста, — весело говорит она: — Влюбляйся!» Она привыкла.

А в результате всей этой перестроечной свистопляски красавица-столица стала крутой красоткой. И это ошеломляет. Эта красотка подняла и отрезала все свои пышные и широкие подолы (юбки), обнажив до предела длиннющие, стройнющие ноги, расставила их циркулем (от края до края), встала на высоченные каблуки, облепила резиновым платьем свои классные формы, спрятала наивный румянец под слоем дорогой косметики от всех самых-самых фирм, распустила косу, немисливо завила и уложила ее и, тряхнув платиной и золотом украшений, сверкнув самоцветами и по-купечески подбоченясь, гордо и свысока глядит на Запад: «Вот так-то! Знай наших!»

И как тут не охмуриться?

Было б чем расплатиться...

Да... я влюблен в Москву еще с мальчишеских лет. Мне всегда было приятно ощущать себя ее составной частью, частицей людского потока, несущегося по мощным артериям этого необъятного организма. Но! При этом оставаться яркой индивидуальностью. (Хм! Эти рисовки для самоутешения, дань своему эго, осколки которого еще сохранились во мне).

Но сейчас не об этом.

Итак, Москва! Как много в этом звуке для сердца аварского (не русского) слилось и как много ему, однако, отозвалось.

Ну не будем о грустном.

Меньше всего мне сейчас хочется заниматься самоанализом и самокопанием. А хочется еще немного понирванить, поблаженствовать.

Мирно отдыхающая публика умиротворяет и примиряет с самим собой.

Кучу лет назад, в студенчестве, нас заносило в эти края то просто гулять, то целоваться, то баловаться.

Это незабываемое и, увы, совершенно неповторимое ощущение:

Когда ты юн, неутомим,
Любовью пьян и одержим
Великих истин постиженьем...
И, окрыленный вдохновеньем,
Творишь себя в который раз
По понедельникам, с утра-с.
Вот так стихами размышляю
И сам себя я развлекаю
Воспоминанием былым.

Вспоминаешь всю эту кутерьму, себя — взъерошенного первокурсника, по случайности поселенного в общежитие второкурсников, мгновенно взятого под опеку всей женской половиной, к которой проникся такой признательностью, что вернулся в свою комнату только через полгода. И тогда меня уже нельзя было ничем удивить.

Я был худ, еще более взъерошен и очень умудрен.

Это был восторг.

Веселый костер нашего бесшабашного студенчества только начинал разгораться и каждый щедро подбрасывал туда свой хворост остроут, баламутств и сумасбродств.

Мы бражничали, спорили до хрипоты и до зари, не давая покоя двум великим дамам — Ли-

тературе и Философии, и так порой азартно бросались искать мадмуазель Истину, что она в панике убегала, бросая в лица догонявших ее безумцев конфетти сомнений и разногласий.

Мы успокаивались ненадолго, а очень скоро объединялись вновь, разжигая еще ярче пламя дружбы и любви.

А как мы любили! Море эмоций захлестывало и топило, но никто не боялся дна, все мнили себя ловцами жемчуга и каждый храбро бросался в эту пучину в поисках своей жемчужины Счастья.

Тогда еще никто не подводил итоги, не сверял результаты, всем было место в этом океане удовольствия — студенческой жизни.

Ностальгия, красивая Ностальгия посетила меня сегодня, и с этой дамой у меня полное взаимопонимание.

Ностальгия — печальная, призрачная, полная такта и сочувствия. Ее прикосновения легки и утешающи.

Это не унизительно-безысходная растрепанная Тоска, царапающая душу острыми ногтями; без спроса и надолго ворвавшаяся в мою жизнь мадмуазель Ностальгия — другая. Это редкая гостья. Она окутана туманом очарования, сквозь который хорошее кажется прекрасным, а плохое — легким недоразумением. И ты сам кажешься себе выше, галантнее, значительнее. Особенное ощущение, такое нечастое. Его надо сберечь и растянуть, как ту последнюю сигарету в парке.

Романтика, значительная грусть.

Неспешный шаг. Я сам с себя смеюсь...

Сделайте мне красиво...

«Сделай сам себе красиво», —

Говорю себе лениво

И иду неторопливо.

Иду,

курю.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

*Друг ты мой взбалмошный, друг непутевый,
Как ты и где ты? Что тебе снится?
Может, ты в парках ночных снова
Пастернака читаешь милиции?*

*Может, опять загулял с аванса,
Оптом скупил весь базар цветочный?
Площадь опешила, улица в транс,
Стало светлее — это уж точно!*

*Друг мой, в столице мне холодно, мелко.
Холм — Тарки-Тау, а лужа — Каспий...
Мне бы сорваться к тебе на недельку —
Мы б сотворили такую сказку!*

*Пару б ночей нам ветренных, звездных —
Спели б невесте твоей серенаду...
Друг мой единственный, может, не поздно?
Может, сумеем? Мне так это надо!*

Гаджи-Курбан, 14.03.1984

КУЛЬТУРНЫЙ КПОРТРЕТ

